

СТИВЕН

КИНГ

КУДЖО

Король на все времена

Стивен Кинг

Куджо

«Издательство АСТ»

1981

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Кинг С.

Куджо / С. Кинг — «Издательство АСТ», 1981 — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-159523-4

Один из обитателей тихого провинциального городка Касл-Рок – добродушный сенбернар Куджо. Однажды, преследуя кролика, он загоняет его в маленькую пещеру, где получает укус летучей мыши. На первый взгляд безобидное происшествие оборачивается настоящей трагедией. И возвращается Куджо к хозяевам уже совсем другим – чудовищем, сеющим смерть. Счет его жертв постоянно увеличивается. Справиться с ним кажется невозможным. И невольно возникает мысль: какая в действительности болезнь может превратить животное в настоящего монстра? И можно ли это Зло искоренить раз и навсегда?..

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-159523-4

© Кинг С., 1981

© Издательство АСТ, 1981

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

51

Стивен Кинг

Куджо

© Stephen King, 1981

© Перевод. Т. Покидаева, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Эта книга посвящается моему брату Дэвиду, который переводил меня за руку через Уэст-Брод-стрит и научил делать балансирующие игрушки из старых вешалок. Это было так круто, что я никак не мог остановиться.

Я люблю тебя, Дэвид.

*На страданья у них был наметанный глаз.
Старые мастера, как точно они замечали,
Где у человека болит, как это в нас,
Когда кто-то ест, открывает окно или бродит*

в печали¹.

Уистен Хью Оден. В музее изящных искусств

*Мой старый пес тяжело умирал,
Так умирал, что весь двор дрожал.
Могилу ему серебром я копал,
На золотой цепи в яму спускал,
Все глядел на него, приговаривал:
«Кто хороший пес, кто хороший»².*

Народная песня

Да, тут все хорошо.

Профессор Шарп, знаток сухих хлопьев

Когда-то, не так чтобы очень давно, в маленьком городке Касл-Рок в штате Мэн появилось чудовище. В 1970 году оно убило официантку Альму Фрешетт; в 1971-м – женщину по имени Полин Тутэкер и старшекласницу Шерил Модис; в 1974-м – симпатичную девушку Кэрол Данбаджер; осенью 1975-го – учительницу Этту Рингголд; и, наконец, в декабре того же года – ученицу начальной школы Мэри Кейт Хендрасен.

Это был не вампир, не волк-оборотень, не безымянная тварь из зачарованных лесов или заснеженных пустошей; это был всего-навсего полицейский по имени Фрэнк Додд, страдавший психическим и сексуальным расстройством. Хороший парень Джон Смит разоблачил его с помощью своего рода магии, но Фрэнк Додд не стал дожидаться ареста и покончил с собой. Может быть, оно и к лучшему.

Конечно, у жителей Касл-Рока был шок, но все-таки радости было больше – радости, что чудовища, державшего в страхе их маленький городок, больше нет. Оно мертво, наконец-то мертво. Кошмар упокоился в могиле Фрэнка Додда.

¹ Перевод П. Грушко.

² Перевод П. Кузнецовой.

Но даже в наш просвещенный век, когда родители в основном понимают, что детей надо беречь, чтобы ненароком не ранить их неокрепшую психику, где-то в Касл-Роке наверняка были мамы – или, может быть, бабушки, – пугавшие малышей, что если те будут капризничать и не слушаться старших, их заберет страшный Фрэнк Додд. И наверняка где-то были притихшие дети, в страхе глядевшие на темные окна с мыслями о Фрэнке Додде в черном блестящем дождевике, о Фрэнке Додде, который душил своих жертв... и душил... и душил...

Он где-то рядом, я прямо слышу бабушкин шепот под завывание ветра в каминной трубе и дребезжание старой крышки от кастрюли, приспособленной в качестве печной заслонки. Он где-то рядом, и если ты будешь вести себя плохо, он заглянет в окно твоей спальни совсем поздно ночью, когда в доме все спят – все, кроме тебя, – или, может быть, высунется из шкафа, с улыбочкой на губах, в одной руке – знак «СТОП», с которым он переводил детей через дорогу, в другой руке – бритва, которой он перерезал себе горло... так что тише, малыши... тише... тише.

Однако для большинства горожан все закончилось. Да, кому-то по-прежнему снились кошмары, и дети подолгу не могли уснуть, и опустевший дом Додда (его мать умерла от сердечного приступа вскоре после разоблачения сына) сразу же стали называть проклятым домом, к которому старались не подходить; но это были временные явления, неизбежные издержки цепи бессмысленных убийств.

Время шло. Миновало пять лет.

Чудовище умерло, сгнуло без следа. Фрэнк Додд разлагался в своем гробу.

Вот только чудовище не умирает. Оборотень, вампир, безымянная тварь с диких пустошей. Чудовище не умирает.

Летом 1980-го оно снова пришло в Касл-Рок.

* * *

В одну из майских ночей того года четырехлетний Тэд Трентон проснулся сразу после полуночи, потому что ему захотелось в туалет. Он встал с кровати и побрел, полусонный, к полоске белого света, что лился из ванной сквозь приоткрытую дверь. Он заранее, еще на ходу, приспустил пижамные штанишки, потом долго-долго мочился, спустил воду в унитазе и вернулся в постель. Забираясь под одеяло, Тэд увидел в шкафу чудовище.

Оно сидело, припав низко к полу, его мощные плечи вздымались над склоненной набок головой, глаза горели янтарным огнем. Странное, жуткое существо, получеловек-полуволок. Его янтарные глаза следили за Тэдом, когда тот сел на постели – в паху что-то сжалось в тугой комок, волосы на голове встали дыбом, дыхание вырывалось из горла тоненьким ледяным свистом. Эти глаза хищно смеялись, глаза обещали страшную смерть и музыку криков, которых никто не услышит. Глаза чудовища, поселившегося в шкафу.

Тэд слышал его рокочущее рычание; чувствовал запах его дыхания, сладковатый душок мертвечины.

Тэд Трентон закрыл руками глаза, судорожно вдохнул и закричал.

Приглушенный возглас в соседней комнате – это папа.

Испуганный вскрик: «Что такое?» – в той же комнате – это мама.

Топот бегущих ног. Когда родители ворвались в детскую, Тэд выглянул в щелочку между пальцами и увидел, что чудовище никуда не исчезло: глядит на него, скалит зубы и как бы грозит, что да, мама с папой пришли, но они скоро уйдут, и тогда...

Зажегся свет. Вик и Донна Трентон бросились к кровати сына, встревоженно переглянулись поверх его белого как мел лица и застывших, широко распахнутых глаз, и мама сказала... нет, скорее рывкнула:

– Я же говорила, Вик, что три хот-дога ему многовато!

Папа сел на кровать, обнял Тэда за плечи и спросил, что случилось.

Тэд решил еще раз взглянуть на приоткрытую дверцу шкафа.

Чудовища не было. Вместо голодного зверя Тэд увидел две неровные стопки теплых одеял, которые Донна так и не удосужилась отнести в кладовую на третьем этаже. Они лежали на стуле, куда Тэд забирался, когда ему надо было взять что-нибудь с верхней полки в шкафу. Вместо лохматой треугольной головы, хищно и настороженно склоненной набок, он увидел своего плюшевого медвежонка, сидящего на одеялах. Вместо злых глаз, горящих янтарным огнем, – дружелюбные шарики из коричневого стекла, которыми его медвежонок смотрел на мир.

– Что случилось, Тэдди? – вновь спросил папа.

– Там, в шкафу, было чудовище! – крикнул Тэд и расплакался.

Мама тоже присела к нему на кровать, и они с папой принялись утешать его вместе. Привычный родительский ритуал. Они объяснили, что не было никакого чудовища, потому что чудовища есть только в сказках, а в жизни их нет; ему просто приснился страшный сон. Мама сказала, что иногда тени складываются в фигуры, похожие на злых персонажей из фильмов и комиксов, а папа уверил, что все хорошо и в их добром доме с Тэдом не может случиться ничего плохого. Тэд кивнул, соглашаясь, хотя знал, что это не так.

Папа ему объяснил, что в темноте все не такое, как при свете дня: две стопки из одеял запросто можно принять за сгорбленные плечи, плюшевого медвежонка – за склоненную голову, а свет из ванной, отразившийся в стеклянных игрушечных глазах, придал им сходство с глазами настоящего, живого зверя.

– Теперь смотри, – сказал папа. – Смотри внимательно, Тэдди.

Тэд стал смотреть.

Папа сгреб одеяла в охапку и запихал их подальше вглубь шкафа. Тэд услышал, как звякнули вешалки. Наверное, они говорили о папе на своем вешалочном языке. Это было смешно, и Тэд чуть улыбнулся. Мама заметила эту улыбку и с облегчением улыбнулась в ответ.

Папа взял медвежонка и вручил его Тэду.

– И последнее, самое главное. – Папа изобразил церемонный поклон, рассмешив Тэда и маму. – Стул.

Он плотно закрыл дверцу шкафа и подпер ее стулом. Возвращаясь к кровати Тэда, папа по-прежнему улыбался, но его глаза были серьезны.

– Все в порядке, Тэд?

– Да, – ответил Тэд и все же заставил себя добавить: – Но там было чудовище, пап. Я его видел. Честное слово.

– Тебе *показалось*, что ты что-то видел. – Папа погладил Тэда по голове большой теплой рукой. – На самом деле никакого чудовища не было и быть не могло. Все чудовища – выдумки. Они бывают только в сказках или в фантазиях у тебя в голове.

Тэд посмотрел на папу, потом на маму и снова на папу – на их большие, любимые лица.

– Правда?

– Правда, – сказала мама. – А сейчас большой мальчик пойдет в туалет и пописает.

– Я уже сходил. Я поэтому и проснулся.

– Тогда сходи еще раз, – сказала мама, ведь родители никогда не верят ребенку. – Сделай мне одолжение.

И он пошел в туалет, и мама пошла вместе с ним и улыбнулась, когда он вытряхнул из себя пару капель.

– Вот видишь? Все-таки *надо было* сходить.

Тэд послушно кивнул. Вернулся в постель. Его укрыли. Поцеловали.

Но когда мама с папой собрались уходить, ему опять стало страшно. Страх накрыл его, как холодное покрывало, сотканное из тумана. Как саван, пропахший безнадежной смертью.

в ясном сознании), и не мог отвести взгляд от скрытого в сумраке оскаленного лица, которое почти знал. Этой ночью он точно уже не уснет. Может быть, он вообще никогда не уснет.

Но чуть позже, где-то между половиной первого и часом ночи – может быть, потому, что Тэд был еще маленьким, – он опять задремал. Сначала ему приснилось, что за ним гонятся большие лохматые звери с белыми зубами, а потом он погрузился в глубокий сон без сновидений.

За окном по-прежнему завывал ветер, вел ночные беседы с водосточными трубами. На небо взошел тонкий серп белой весенней луны. Где-то очень далеко, на тихом спящем лугу или в чаще соснового леса, истошно залаяла собака, но быстро умолкла.

А в шкафу Тэда Трентона нечто с янтарными глазами несло свою неусыпную вахту.

* * *

– Это ты переложил одеяла? – спросила Донна у мужа следующим утром. Она стояла у плиты и жарила бекон. Тэд в гостиной смотрел по телевизору детское шоу и ел «Звездочки». «Звездочки», как и все прочие хлопья от компании «Шарп», Трентоны получали бесплатно.

– Что? – спросил Вик, сосредоточенно изучавший спортивный раздел в газете. Как человек, родившийся и выросший в Нью-Йорке, он до сих пор не поддавался лихорадке «Ред сокс», но уже получал мазохистское удовольствие от очередного неудачного выступления «Нью-Йорк метс» на старте сезона.

– Одеяла. В шкафу у Тэда. Они снова лежали на стуле. Стул опять был внутри, дверца снова была нараспашку. – Донна поставила на стол тарелку с горячим, еще шкварчащим беконом. – Это ты переложил одеяла обратно на стул?

– Нет, не я, – сказал Вик, переворачивая страницу. – Я, как моль, не терплю запаха нафталина и не бываю в шкафу.

– Очень смешно. Наверное, *он сам* их переложил.

Вик отложил газету и посмотрел на жену:

– Ты о чем, Донна?

– Помнишь, как он кричал ночью...

– Как такое забудешь! Я думал, он умирает. Думал, у него приступ.

Она кивнула.

– Ему показалось, что одеяла на стуле – это какое-то... – Она пожала плечами.

– Злое страшилище, – улыбнулся Вик.

– Да, вроде того. И ты дал ему медвежонка и убрал одеяла подальше в шкаф. Но сегодня, когда я зашла к нему в комнату, они снова лежали на стуле. – Она рассмеялась. – Я заглянула вглубь шкафа, и на секунду мне показалось...

– *Теперь* понятно, от кого он набрался таких фантазий. – Вик снова взял в руки газету и пристально посмотрел на жену. – Три хот-дога, ну-ну.

Позже, когда Вик уехал на работу, Донна спросила у Тэда, зачем он снова поставил стул в шкаф и навалил на него одеяла, если ночью они так его напугали.

Тэд посмотрел на нее, и его обычно живое, по-детски подвижное лицо показалось ей бледным, и строгим, и каким-то уж слишком взрослым. Перед ним на столе лежала раскрытая книжка-раскраска со «Звездными войнами». Он раскрашивал сценку в межзвездной кантине и как раз взял зеленый восковой мелок для Гридо.

– Это не я, – ответил он.

– Но, Тэд, если это не ты, и не папа, и *уж точно* не я...

– Это чудовище, – сказал Тэд. – Чудовище из моего шкафа.

Он снова склонился над своей раскраской.

Донна смотрела на сына, встревоженная и немного напуганная. Тэд – мальчик умный, смысленный, одаренный богатым воображением. Может быть, *слишком* богатым воображением, что далеко не всегда хорошо. Надо будет поговорить с Виком, сегодня же вечером. Надо будет серьезно поговорить.

– Тэд, ты же помнишь, что сказал папа? Чудовищ нет, их не бывает.

– Днем – да, не бывает. – Тэд улыбнулся так искренне и открыто, что эта улыбка прогнала все страхи Донны. Она ласково потрепала сына по волосам и поцеловала его в щеку.

Она собиралась поговорить с Виком, но когда Тэд был в детском саду, к ней приехал Стив Кемп, и она забыла, а ночью Тэд снова кричал и плакал, потому что оно там, в шкафу. Чудовище, чудовище!

Дверца шкафа была приоткрыта, одеяла лежали на стуле. На этот раз Вик отнес их на третий этаж и оставил в кладовке.

– Все, Тэди, они наверху под замком, – сказал он, целуя сына. – Теперь все в порядке. Можешь спать спокойно.

Но Тэд еще долго не мог уснуть, и пока лежал, съжившись под одеялом, дверца шкафа опять приоткрылась с тихим шелчком, мертвая пасть распахнулась в мертвую темноту, где притаилось нечто лохматое и зубастое, источавшее запах запекшейся крови и черной гибели.

Здравствуй, Тэд, прошептало чудовище своим гнилостным голосом, и луна заглянула в окно, как прищуренный белесый глаз мертвеца.

* * *

Весной того года старейшей жительницей Касл-Рока была Эвелин Чалмерс, которую местные старики называли тетушкой Эвви, а почтальон Джордж Мира – «болтливой старой калошей». Джордж доставлял ей почту: в основном торговые каталоги, рекламные буклеты от «Ридерз дайджест» и молитвенные брошюры Крестоносцев Предвечного Христа – и почти ежедневно выслушивал ее бесконечные монологи. «Если к чему-то и стоит прислушаться в болтовне этой старой калоши, так только к ее предсказаниям погоды», – говаривал он, пропустив несколько стаканчиков в компании друзей, собиравшихся в «Поддатом тигре». Идиотское название для бара, но раз уж в Касл-Роке нет других баров, приходилось довольствоваться тем, что есть.

В целом весь городок разделял мнение Джорджа. Титул старейшей жительницы Касл-Рока вкупе с почетной тростью от «Бостон пост» перешел к тетушке Эвви два года назад, когда стоодналетний Арнольд Хиберт – под конец впавший в глубокий маразм, так что беседовать с ним было столь же бессмысленно, как с пустой банкой из-под кошачьих консервов, – навернулся с террасы дома престарелых в Касл-Эйкерсе и сломал себе шею ровно через двадцать пять минут после того, как в последний раз в жизни напрудил в штаны.

Тетушка Эвви была далеко не такой маразматичной, как Арни Хиберт, и не такой старой. В свои девяносто три года она еще не настолько выжила из ума, чтобы лишиться собственного дома, как его лишился Хиберт, и могла не отказывать себе в удовольствии донимать громогласной беседой безропотного (и частенько похмельного) Джорджа Миру, когда тот привозил почту.

Но погоду она и вправду предсказывала лучше всяких синоптиков. Среди горожан – старшего поколения горожан, которых заботят подобные вещи, – бытовало единодушное мнение, что тетушка Эвви никогда не ошибается по трем вопросам: в какую неделю произойдет первый летний сенокос, как хорошо (или плохо) уродится черника и какая будет погода.

Как-то в начале июня тетушка Эвви приковыляла к почтовому ящику у калитки, тяжело опираясь на трость «Бостон пост» (которая, размышлял Джордж Мира, перейдет к Вину Маршану, когда болтливая старая калоша сыграет в ящик, и, как говорится, скатертью дорожка,

Эвви) и попыхивая сигаретой. Она поздоровалась с Мирой, крича во весь голос – когда тетушка Эвви оглохла, она, очевидно, решила, что весь мир тоже оглох за компанию с ней, – и сообщила, что лето обещает быть жарким. Самым жарким за тридцать лет. Жарища в начале, жарища в конце, прогремел в сонной утренней тишине зычный голос тетушки Эвви, и посередке все так же жарища.

– Вот как? – сказал Джордж.

– *Что?*

– *Я говорю: «Вот как?»*

Вот еще одно малоприятное свойство тетушки Эвви: когда она начинала орать, ты волей-неволей орал вместе с ней, рискуя порвать себе связки.

– *Да чтоб мне провалиться, если не так!* – выкрикнула тетушка Эвви. Пепел ее сигареты упал на плечо Джорджа Миры, на его форменную рубашку, свеженькую, только что из химчистки. Джордж безропотно стряхнул пепел рукой. Тетушка Эвви наклонилась к окошку машины, чтобы ей было удобнее кричать ему в ухо. У нее изо рта пахло прокисшими огурцами.

– *Полевки уже выбрались из подвалов! Томми Недоу видел оленей у озера Мусантик, они чесали рога. Раньше первой малиновки! Под снегом, когда он растаял, была трава! Зеленая трава, Мира!*

– Вот как, Эвви? – отозвался Джордж, поскольку тут явно предполагался какой-то отклик. У него уже начинала болеть голова.

– *Что?*

– *ВОТ КАК, ЭВВИ?* – заорал Джордж Мира, брызжа слюной.

– *О да!* – Вид у тетушки Эвви был крайне довольный. – *И вчера ночью я видела, как полыхнула зарница! Дурной знак, Мира! Ночные зарницы – всегда дурной знак! Многие люди помрут от жары этим летом, помани мое слово!*

– *Мне пора, тетушка Эвви!* – крикнул Джордж. – *У меня заказное письмо для Стрингера Болье!*

Тетушка Эвви Чалмерс запрокинула голову к небу и расхохоталась, почти задыхаясь от смеха и роняя пепел себе на халат. В конце концов она выплюнула недокуренную сигарету, и та упала, дымясь, рядом с ее туфлей – черной, как печная сажа, и тесной, что твой корсет, туфлей на все времена.

– *Заказное письмо для французика Болье? Да он не прочтет даже имени на своей собственной могильной плите!*

– *Мне пора, тетушка Эвви!* – поспешно проговорил Джордж и включил передачу.

– *Французик Болье – недоумок с рождения! Дурачина, каких поискать!* – крикнула тетушка Эвви, но теперь она обращалась к облаку пыли, поднятому машиной Джорджа Миры; ему все же удалось сбежать.

Она еще пару минут постояла у почтового ящика, глядя вслед почтальону. Для нее писем не было; теперь ей редко приходили письма. Большинство ее знакомых, умевших писать, уже отошли в мир иной. И ей что-то подсказывало, что она скоро последует за ними. Грядущее лето вызывало у нее дурные предчувствия. Она могла запросто говорить о рано вышедших из подвалов мышах и о сполохах ночных зарниц, но она никому не рассказывала о своих смутных страхах, о притаившейся где-то за горизонтом жаре, припавшей к земле, как отошавший, но все еще сильный зверь, весь покрытый коростой, с глазами красными, будто тлеющие угли; о своих снах, где жарило солнце и не было тени, а были лишь жажда и зной; о беспричинных слезах по утрам – горьких слезах, что не дают облегчения, а разъедают глаза, как горячий августовский пот. Она чуюла запах безумия в ветре, который еще не поднялся.

– Джордж Мира, старый ты пердун, – произнесла тетушка Эвви с сочным мэнским акцентом, что придает каждому слову одновременно и грозное, и нелепое звучание.

Она заковыляла обратно к дому, опираясь на трость «Бостон пост», которую ей вручили на торжественной церемонии в мэрии за сомнительное достижение – благополучно дожить до старости. Неудивительно, размышляла она, что эта паршивая газетенка оказалась на грани банкротства.

Тетушка Эвви помедлила на крыльце, глядя на небо, все еще по-весеннему нежное и прозрачное. Но она явственно ощущала: что-то грядет. Что-то жаркое, что-то злое.

* * *

Прошлым летом, когда левое заднее колесо старенького «ягуара» Вика Трентона начало как-то странно стучать, именно Джордж Мира посоветовал Вику обратиться в мастерскую Джо Камбера на окраине Касл-Рока.

– Он вообще странный мальчик, и у него странный подход к работе, – сказал Мира Вику в тот день, когда Вик вышел к почтовому ящику. – Говорит, сколько оно будет стоить, потом делает свою работу и берет ровно столько, сколько сказал. Ни цента больше. Станный способ ведения бизнеса, да? – Мира поехал дальше, а Вик еще долго стоял, размышляя, говорил ли почтальон всерьез или это была какая-то малопонятная мэнская шутка.

Но он все-таки позвонил Камберу, и однажды в июле (не таком жарком, каким будет июль на следующий год) они с Донной и Тэдом все вместе поехали в мастерскую. Путь действительно был неблизкий, Вику пришлось дважды остановиться, чтобы спросить дорогу, и именно с того дня он стал называть эту дальнюю окраину Касл-Рока Восточной Задницей Мира.

Когда он въезжал во двор Камбера, заднее колесо застучало еще сильнее. Тэд, тогда трех-летний малыш, сидел на коленях у Донны и звонко смеялся; ему всегда нравилось кататься на папиной машине «без крыши». Сама Донна тоже была в замечательном настроении.

Во дворе им встретился парнишка лет восьми-девяти, лупивший по старому бейсбольному мячу совсем уже древней битой. Мяч летел, ударялся о стену сарая – где, видимо, и размещался гараж мистера Камбера, подумал Вик, – и катился обратно.

– Привет, – сказал мальчик. – Вы мистер Трентон?

– Да, это я, – сказал Вик.

– Я позову папу.

Мальчик пошел в сарай.

Трентоны выбрались из машины, и Вик присел на корточки рядом с испорченным колесом. Наверное, все-таки стоило съездить в Портленд. Здешняя мастерская как-то не вызывала доверия; у Камбера даже не было вывески.

Его размышления прервал нервный голос жены:

– *О боже*, Вик...

Он быстро поднялся и увидел огромного пса, выходящего из сарая. Поначалу он даже не понял, точно ли это собака или какой-то лохматый уродливый пони неизвестной породы. Но как только пес вышел на свет, Вик увидел его печальные глаза и узнал сенбернара.

Донна порывисто подхватила Тэда на руки и отступила к машине, но Тэд принялся возмущенно вырываться, пытаясь спуститься обратно на землю.

– Хочу к собачке, мам... хочу к собачке!

Донна нервно взглянула на Вика, который молча пожал плечами, тоже встревоженный. Но тут из сарая вышел парнишка и на ходу потрепал пса по голове. Пес завилял великанским хвостом, и Тэд принялся вырываться с удвоенной силой.

– Можете отпустить малыша, мэм, – вежливо сказал мальчик. – Куджо любит детей. Он его не обидит. – Он обратился к Вику: – Папа сейчас подойдет. Только вымоет руки.

– Хорошо, – сказал Вик. – Крупный у тебя песик, сынок. Ты уверен, что он не опасен?

– Он совсем не опасен, – уверил его парнишка, но Вик все равно невольно шагнул и встал рядом с женой, в то время как их сынишка, такой немислимо маленький, направился прямо к Куджо. Пес склонил голову набок и медленно вильнул хвостом.

– Вик... – начала было Донна.

– Все в порядке, – сказал ей Вик и мысленно добавил: *Я очень надеюсь*. Такому громадному зверю ничего не стоило бы проглотить малыша Тэдди одним махом.

Тэд на мгновение замер, явно засомневавшись. Они с псом глядели друг на друга.

– Собачка? – сказал Тэд.

– Куджо. – Парнишка Камбера встал рядом с Тэдом. – Его зовут Куджо.

– Куджо, – повторил Тэд. Пес подошел ближе и принялся добродушно облизывать ему лицо своим огромным слюнявым языком. Тэд захихикал и попытался его оттолкнуть. Потом обернулся к родителям и рассмеялся, как смеялся всегда, когда они его щекотали. Он шагнул к ним, но запутался в собственных ногах и упал. Внезапно пес оказался прямо над ним, и Вик, обнимавший жену за талию, скорее почувствовал, чем услышал, как у нее перехватило дыхание. Он рванулся вперед... но тут же остановился.

Зубы Куджо сомкнулись сзади на футболке с Человеком-пауком. Пес поднял мальчика – в эту секунду Тэд был как котенок в зубах мамы-кошки – и осторожно поставил на ноги.

Тэд подбежал к маме и папе.

– Собачка хорошая! Мама! Папа! Собачка хорошая!

Парнишка Камбера наблюдал за ним с доброй усмешкой, засунув руки в карманы джинсов.

– Да, замечательный пес, – сказал Вик. Он уже не боялся, но сердце все еще билось как сумасшедшее. На мгновение ему действительно показалось, что сейчас пес откусит Тэду голову, как леденец на палочке. – Это сенбернар, Тэд.

– Сен... беринар! – крикнул Тэд и помчался обратно к Куджо, который уселся у входа в сарай, как небольшая гора. – Куджо! *Ку-у-у-у-джо!*

Донна вновь напряглась.

– Вик, ты думаешь...

Но Тэд уже подбежал к Куджо, крепко его обнял, а затем чуть отстранился и пристально посмотрел на него. Теперь, когда Куджо сидел (хвост глухо стучит по гравии, розовый язык вывален изо рта), Тэд, встав на цыпочки, почти мог заглянуть псу в глаза.

– Я думаю, что у них все хорошо, – сказал Вик.

Тэд сунул в пасть Куджо крошечную ручонку и заглянул ему в рот, как самый маленький в мире дантист. Вик снова встревожился, но Тэд уже бежал обратно к родителям.

– У собачки есть зубы, – сообщил он Вику.

– Да, – сказал Вик. – Много зубов.

Он обернулся к парнишке, намереваясь спросить, кто придумал собаке такое необычное имя, но тут из сарая вышел Джо Камбер, на ходу вытирая ладони о кусок ветоши, чтобы пожать Вику руку.

Вик был приятно удивлен, обнаружив, что Камбер свое дело знает. Они с Виком проехали до подножия холма и обратно, и всю дорогу Джо внимательно слушал стук в колесе.

– Подшипник, – заключил он. – Вам повезло, что машина еще на ходу.

– Сможете починить? – спросил Вик.

– Ну да. Могу прямо сейчас, если вы согласитесь пару часиков подождать.

– Да, мы подождем, – сказал Вик, глядя на Тэда и пса. Тэд завладел бейсбольным мячом сына Камбера и теперь бросал его как можно дальше (на самом деле не так уж и далеко), а Куджо послушно приносил уже изрядно облизанный мяч обратно. – Ваш пес прекрасно играет с моим сынишкой.

– Куджо любит детей, – кивнул Камбер. – Стало быть, заводите машину в гараж, мистер Трентон.

Доктор сейчас вас осмотрит, подумал Вик и загнал «ягуар» в сарай. Камбер справился даже быстрее, всего за полтора часа, и цена оказалась вполне разумной.

Все это время Тэд как заведенный носился по двору и непрестанно звал пса:

– *Куджо... Ку-у-у-у-джо... ко мне, Куджо...*

А перед самым отъездом парнишка Камбера, которого звали Бретт, посадил Тэда верхом на Куджо и поддерживал его, пока большой пес послушно обходил двор по кругу. Когда Куджо шагал мимо Вика, тот поймал его взгляд... и мог бы поклясться, что пес смеется.

* * *

Буквально через три дня после громкого разговора Джорджа Миры с тетужкой Эвви Чалмерс четырехлетняя девочка, ровесница Тэда Трентона, сидела за завтраком на чистой кухоньке в аккуратном маленьком домике в Айова-Сити, штат Айова, и вдруг резко поднялась из-за стола и объявила:

– Мама, мне плохо. Меня тошнит.

Мама обернулась к ней без особого удивления. За два дня до того старший брат Марси пришел из школы с желудочным гриппом. Сейчас Брок уже полностью выздоровел, но в первые сутки ему было по-настоящему плохо, его постоянно несло и тошнило.

– Ты уверена, солнышко? – спросила мама.

– Ой, я... – Марси громко застонала и выскочила в коридор, держась за живот. Мама пошла следом за ней, увидела, как малышка заходит в ванную, и подумала: *Ну вот, опять все сначала. Главное, мне самой не свалиться.*

Она услышала звуки рвоты и вошла в ванную следом за дочерью. В голове уже складывался план действий: обильное питье, постельный режим, ночной горшок у кровати, книжки для развлечения; когда Брок вернется из школы, пусть отдаст Марси на время свой переносной телевизор, и...

Она глянула на унитаз, куда стошнило ее четырехлетнюю дочь, и все мысли вылетели из головы, словно по ней ударили кулаком.

Унитаз был полон крови; кровь забрызгала края фаянсовой чаши и кафельный пол вокруг.

– Мама, мне плохо...

Дочь обернулась, ее дочь обернулась, и весь ее рот был в крови, кровь стекала по подбородку, капала на синее матросское платице, кровь, Господи Иисусе, Мария и Иосиф, так много крови...

– Мама...

Ее дочку снова стошнило, красное месиво полилось у нее изо рта, кровь забрызгала все вокруг, будто зловещий погибельный дождь. Мать подхватила Марси на руки, помчалась в кухню, где стоял телефон, и вызвала «Скорую».

* * *

Куджо знал, что он уже староват, чтобы гоняться за кроликами.

Он был вовсе не *старым*, даже по собачьим меркам. Но в свои пять лет Куджо давно вышел из щенячьего возраста, когда неумоимо носился по лесам и полям за какой-нибудь бабочкой. В свои пять лет, если переводить на человеческие года, он достиг ранней стадии среднего возраста.

Но в тот день, шестнадцатого июня, выдалось чудесное утро, и роса еще не высохла на траве. Жара, предсказанная тетушкой Эвви Джорджу Мире, уже наступила – это был самый жаркий июнь за много лет, – и к двум часам дня Куджо будет лежать на запыленном дворе (или в сарае, если ХОЗЯИН его позовет; иногда он впускал Куджо в сарай, когда напивался, что в последнее время случалось почти постоянно), тяжело дыша под палящим солнцем. Но это будет позже.

Кролик – большой, упитанный, с бурой шерсткой – даже не подозревал о присутствии Куджо на краю северного поля в миле от дома. Ветер дул в неудачную сторону для Братца Кролика.

Куджо подобрался поближе к нему, не ради мяса, а больше ради забавы. Кролик радостно угощался свежим клевером, который уже через месяц пожухнет под безжалостным жарким солнцем. Если бы кролик заметил пса хотя бы на половине того расстояния, что разделяло их изначально, Куджо дал бы ему убежать. Но кролик вскинулся только тогда, когда до него оставалось ярдов пятнадцать, не больше. На мгновение он замер, превратившись в застывшую скульптуру со смешно вытаращенными косыми глазами. А потом бросился наутек.

Залившись яростным лаем, Куджо пустился в погоню. Кролик был очень маленьким, Куджо – очень большим, но сама *вероятность* удачного исхода охоты придавала Куджо сил. Он почти догнал кролика и даже задел его лапой. Кролик начал петлять. Не такому проворному Куджо было трудно выдерживать темп, бросаясь из стороны в сторону. Взрывая когтями мягкую землю, он слегка отстал, но потом снова нагнал добычу. Птицы испуганно взмыли в небо, потревоженные его громким надсадным лаем; если собаки умели бы улыбаться, то сейчас Куджо улыбался бы. Кролик бросил петлять и побежал напрямик через поле. Куджо мчался следом, уже начиная подозревать, что в этой гонке ему не победить.

Но он очень старался и почти догнал кролика, когда тот юркнул в нору на склоне небольшого холма. Вход в нору зарос высокой травой, но Куджо не раздумывал ни секунды. Склонив голову низко к земле, он с разбегу влетел в узкий лаз... где и застрял, как пробка в бутылке.

Джо Камбер семнадцать лет владел фермой «Семь дубов» в конце городского шоссе номер 3, но даже не подозревал о существовании этой норы. Он бы наверняка обнаружил ее, если бы занимался фермерским хозяйством, но у него было другое занятие. В большом красном сарае располагался не хлев для скота, а авторемонтная мастерская. Его сын Бретт часто бродил по полям и лесам возле дома, но тоже не замечал этой норы, хотя несколько раз чуть не провалился в нее ногой и мог бы запросто сломать лодыжку. В ясные дни вход в нору мог сойти за пятно тени; в пасмурные дни его скрывала высокая трава.

Джон Мозам, предыдущий владелец фермы, знал о норе, но ему даже в голову не пришло рассказать о ней Джо Камберу, когда тот купил ферму в 1963-м. Возможно, он предупредил бы о ней, когда в 1970-м у Джо и его жены Черити родился сынишка, но к тому времени рак уже свел старого Джона в могилу.

Кстати, и хорошо, что Бретт не обнаружил эту нору. Нет ничего интереснее для мальчишки, чем дыра в земле, особенно если она ведет в маленькую известняковую пещеру. Ее глубина доходила до двадцати футов, и худенький маленький мальчик вполне мог забраться туда, а потом не выбраться. Такое случалось уже не раз с мелкими животными. Ведущий в пещеру лаз шел под уклон – легко съехать вниз, как по горке, и гораздо труднее вскарабкаться вверх, – и весь пол внутри был усыпан костями. Сурок, скунс, пара бурундуков, пара белок и домашний кот. Кота звали Мистер Пропер. Камберы потеряли его два года назад и решили, что кот сбился машина или он просто сбежал. Но он лежал здесь, вместе с костями упитанной полевой мыши, за которой однажды погнался.

Кролик Куджо съехал вниз и теперь мелко дрожал ушами и носом, вибрировавшим, как камертон, в ответ на яростный лай Куджо, который заполнил собой всю пещеру. Из-за эха казалось, что наверху собралась целая стая собак.

Маленькая пещера привлекала и летучих мышей. Места здесь было немного, но неровные своды служили отличным насестом для дневного сна ночных тварей. Так что Бретту Камберу действительно повезло, что он не нашел эту пещеру с мышами, и особенно в этом году. В этом году среди бурых летучих мышей, обитавших в пещере, распространился особо опасный штамм вируса бешенства.

Куджо застрял в плечах. Он яростно скреб лапами, но без толку. Он мог бы выбраться наружу задним ходом, но ему было жалко бросать добычу. Он чувствовал, что кролик попался в ловушку и теперь никуда от него не уйдет. У него было не очень хорошее зрение, к тому же его крупное тело перекрыло почти весь проникавший снаружи свет, и он не видел, что лаз резко идет под уклон прямо перед тем местом, куда он мог дотянуться передними лапами. Он чуял запах сырости и помета летучих мышей, старого и совсем свежего... но самое главное, он чуял запах кролика. Горячий и вкусный. Кушать подано.

Его лай разбудил летучих мышей. Они испугались спросонья. Кто-то вторгся в их обиталище. Они встревоженно запищали и всем скопом рванулись к выходу. Но тут их эхолокаторы засекли загадочный и тревожный факт: выхода не было. Его загородил собой хищник.

Они кружили в темноте, их кожистые перепончатые крылья хлопали, как белье на ветру. Кролик под ними испуганно сжался в комок и замер, надеясь на лучшее.

Куджо почувствовал взмахи крыльев нескольких летучих мышей совсем рядом с ним, и ему стало страшно. Ему не нравился их запах и писк; не нравился исходивший от них странный жар. Он залаял еще громче и щелкнул зубами в сторону летучих тварей, круживших у него над головой. Его челюсти сомкнулись на буро-черном крыле. Хрустнули тонкие косточки, тоньше, чем пальчики у младенца. Мышь резко дернулась и укусила его прямо в нос, оставив на чувствительной собачьей морде длинную изогнутую царапину, похожую на вопросительный знак. Всего через секунду тельце умирающей летучей мыши кубарем покатило вниз по известняковому склону. Но самое страшное уже случилось; укус бешеного животного особенно опасен в области головы, потому что бешенство поражает центральную нервную систему. Собаки более восприимчивы к вирусу, чем люди, и даже вакцина не защищает их от заражения на сто процентов. А Куджо ни разу в жизни не делали прививку от бешенства.

Куджо, конечно, об этом не знал, но знал, что укусил что-то очень невкусное и противное, и решил, что пора выбираться из этого мрачного места. Он резко рванулся назад и выскочил из норы, обрушив маленькую лавину комочков земли. Отряхнулся, и во все стороны полетело еще больше комочков земли и известняковой крошки. Из раны на носу текла кровь. Куджо сел, поднял голову к небу и тихонько завыл.

Летучие мыши вырвались из пещерки небольшим бурым облаком, растерянно заматались под ярким июньским солнцем и тут же вернулись обратно в укрытие. Глупые существа, уже через пару минут они напрочь забыли о лающем госте, потревожившем их покой, и снова уснули, уснули, повиснув вниз головой и завернувшись в свои плотные крылья, как в старушечьи шали.

Куджо побрел прочь. Снова встряхнулся. Беспомощно потрогал нос лапой. Кровь уже запеклась в корку, но рана болела. У собак очень развито чувство стыда – несоразмерно с их умственными способностями, – и Куджо был недоволен собой. Он не хотел возвращаться домой. Если вернуться домой, кто-то из его троицы – ХОЗЯИН, ХОЗЯЙКА или МАЛЬЧИК – непременно заметит, что с ним что-то не так. Может быть, кто-то из них даже скажет, что он ПЛОХОЙПЕС. В эти минуты он и сам себя чувствовал ПЛОХИМПСОМ.

Вот почему Куджо не пошел домой, а спустился к ручью, отделявшему землю Камберов от участка Гэри Первье, их ближайшего соседа. Он вошел прямо в воду и принялся жадно пить; а потом еще долго плескался в ручье, пытаясь избавиться от противного вкуса во рту, смыть с себя грязь, и мутно-зеленую известняковую вонь, и это пакостное ощущение ПЛОХОГОПСА.

Мало-помалу ему стало лучше. Он вышел из ручья и отряхнулся; на мгновение брызги воды создали радугу в тихом, безветренном воздухе.

Ощущение ПЛОХОГОПСА потихоньку сходило на нет, боль в носу тоже унялась. Он пошел к дому – поглядеть, там ли МАЛЬЧИК. Куджо уже привык, что каждое утро МАЛЬЧИКА забирает большой желтый школьный автобус и привозит обратно во второй половине дня, но на этой неделе школьный автобус – с его горящими глазами-фарами и шумным грузом из галдящих детишек – не приехал ни разу. МАЛЬЧИК все время был дома. Обычно он целыми днями пропадал в сарае, делал всякое-разное вместе с ХОЗЯИНОМ. Может быть, желтый автобус снова приехал сегодня. Может быть, нет. Сейчас будет видно. Куджо уже позабыл о норе и противном вкусе во рту. Нос почти не болел.

Куджо шел по полю, легко раздвигая грудью высокую траву, распугивал по дороге немногочисленных птиц, но не пытался за ними погнаться. Сегодня он уже нагонялся вдоволь – его тело помнило о погоне, пусть даже разум не помнил. Он был сенбернардом в самом расцвете сил, пяти лет от роду, весом почти двести фунтов, и нынешним утром, 16 июня 1980 года, он заразился бешенством.

* * *

Спустя неделю, за тридцать миль от фермы «Семь дубов» в Касл-Роке, в портлендском ресторанчике «Желтая подводная лодка» встретились двое мужчин. В «Лодке» был большой выбор сэндвичей, пицц и рулетов в ливанском лаваше. В дальнем углу зала стоял пинбольный автомат. Над стойкой висело объявление, что если кто сможет съесть сразу два «Желтых подводных кошмара», за них не нужно будет платить. Ниже кто-то приписал в скобках: «КОГО СТОШНИТ, ТОТ ЗАПЛАТИТ».

Вику Трентону нравилось это место, он всегда с удовольствием брал большой сэндвич с фрикадельками. Но сегодняшний любимый сэндвич вызывал у него только мысли о неизбежной изжоге.

– Похоже, все очень хреново, – сказал Вик своему собеседнику, который без всякого энтузиазма разглядывал сэндвич с ветчиной у себя на тарелке. Это был Роджер Брекстон, и если уж Роджер глядел на еду безо всякого энтузиазма, это значило только одно: надвигается катастрофа. Роджер весил двести семьдесят фунтов, и когда он сидел, под его животом не было видно коленей. Однажды ночью в постели Вика с Донной пробило на дурацкий смех, и Донна сказала, что думала, будто Роджеру отстрелили колени во Вьетнаме.

– Это да, – согласился Роджер. – Ты даже не представляешь, дружище, насколько хреново.

– Ты правда думаешь, что эта поездка что-то решит?

– Может, и нет, – сказал Роджер. – Но если не ехать, то Шарп уже точно расторгнет контракт. А так, может, и удастся хоть что-то спасти. И там, глядишь, потихонечку выплывем. – Он все-таки откусил кусок от своего сэндвича.

– Если мы закроемся на десять дней, нам придется туго.

– А сейчас, по-твоему, не туго?

– Конечно, туго. Но у нас съемки для «Бук фолкс» в Кеннебанк-Бич...

– Лайза справится и без нас.

– Лайза не справится даже с собственной личной жизнью, а уж тем более с роликами для «Бук фолкс», – сказал Вик. – Но даже если бы она и *справилась*, у нас горят сроки по серии для «Отборной черники»... и для банка «Каско»... и ты еще должен встретиться с этим важным начальником Ассоциации риелторов Мэна...

– Нет, это *ты* должен с ним встретиться.

– Ни хрена подобного, – сказал Вик. – Я как вижу его красные штаны и белые туфли, меня прямо трясет. Сразу хочется выдать ему рекламный щит-сэндвич.

– Это все ерунда, и ты сам это понимаешь. Никто из них не приносит агентству и десятой доли того, что приносит старина Шарп. Что еще можно сказать? Ты знаешь, что Шарп и сынуля хотят встретиться с нами обоими. Так что, я заказываю билеты?

При одной только мысли о десятидневной поездке – пять дней в Бостоне и пять дней в Нью-Йорке – Вика бросило в холодный пот. Они с Роджером шесть лет проработали в нью-йоркском рекламном агентстве «Эллисон». Теперь Вик жил в Касл-Роке, а Роджер и Алтия Брекстон – в соседнем Бриджтоне, примерно в пятнадцати милях.

Вик никогда не жалел об отъезде из большого города. Ему казалось, что он никогда и не жил полной жизнью, никогда по-настоящему не понимал, для чего он живет, пока они с Донной не переехали в Мэн. И теперь у него было мрачное ощущение, что все последние три года Нью-Йорк только и ждал, когда можно будет снова вцепиться в него когтями. Самолет загорится при приземлении. На мосту Трайборо случится авария, и их такси сложится в желтую окровавленную гармошку. Грабитель, грозящий ему пистолетом, все-таки выстрелит. Где-то взорвется газопровод, и ему снесет голову крышкой канализационного люка, летящей по воздуху, как смертоносное фрисби весом под сотню фунтов. Да что угодно. Если Вик вернется в Нью-Йорк, город его убьет.

– Родж, – сказал он, вернув на тарелку едва надкушенный сэндвич, – а ты не думал, что мир не рухнет, если Шарп *действительно* разорвет с нами контракт?

– Мир-то не рухнет, – ответил Роджер, наливая себе пиво в большой бокал, – но что будет с нами? У меня ипотека на двадцать лет, из которых осталось еще семнадцать, и девчонки-двойняшки, мечтающие поступить в Бриджтонскую академию. У тебя своя ипотека и свой ребенок. И плюс еще старый «ягуар», тоже удовольствие не из дешевых.

– Да, но местная экономика...

– Местная экономика *в глубокой заднице!* – яростно выкрикнул Роджер, грохнув бокалом о стол.

Компания за соседним столом – трое парней в теннисках и один в линялой футболке с надписью «ДАРТ ВЕЙДЕР – ГЕЙ» – отозвалась бурными аплодисментами.

Роджер раздраженно махнул им рукой и наклонился поближе к Вику:

– Ты сам понимаешь, что мы не потянем всю эту роскошь на одной только «Отборной чернике» и Ассоциации риелторов Мэна. Если мы потеряем такого клиента, как Шарп, то пойдем ко дну быстро, как два топора. С другой стороны, если мы сохраним даже малую часть заказов от Шарпа еще хотя бы на пару лет, то уже выйдем на уровень, когда к нам обратится министерство туризма или, может быть, лотерея штата, если она к тому времени не накроется медным тазом. Вполне себе лакомые кусочки, Вик. Вот тогда можно будет распрощаться с Шарпом и его тухлыми хлопьями и зажить долго и счастливо. Злому и страшному серому волку придется искать себе другой обед; этих маленьких поросятков ему уже не достать.

– Наши шансы остаться при Шарпе примерно такие же, как шансы «Кливленд индианс» победить в Мировой серии этого года, – сказал Вик.

– Но попробовать стоит, дружище.

Вик надолго задумался, глядя на свой почти нетронутый сэндвич. Все это очень несправедливо, но жизнь в принципе штука несправедливая. А вот что и вправду обидно, так это какой-то безумный абсурд всей ситуации. Беда грянула как гром среди ясного неба. Как убийственный торнадо, сметающий все на своем пути. Они с Роджером и само их агентство «Эд уоркс» вполне могли оказаться в числе виноватых, хотя были вообще ни при чем. Судя по лицу Роджера, тот сейчас думал примерно о том же. Вик не видел друга таким серьезным и бледным с тех самых пор, как они с Алтией потеряли своего сынишку Тимоти, когда малышу было всего девять дней. Три недели Роджер держался, а потом все же сорвался и зарыдал, закрывая руками свое пухлое лицо, в такой страшной и безнадежной печали, что сердце у Вика встало комом в горле. Это было ужасно. Но теперешняя тихая паника в глазах Роджера была не лучше.

Внезапные торнадо – не редкость в рекламном бизнесе. Крупные агентства вроде «Эллисона», где ворочаются миллионы, выстоят в бурю. Мелкие вроде «Эд уоркс» – нет. У них две корзины, в одной – много мелких яиц, в другой – одно крупное, контракт с Шарпом. И теперь надо понять, получится ли сохранить это большое яйцо, а если нет, то можно ли сделать из него яичницу. Они-то уж точно ни в чем не виноваты, но из рекламных агентств получаются славные мальчишки для битья.

Вик с Роджером отлично сработались еще на первых совместных проектах в агентстве «Эллисон», шесть лет назад. Вик, высокий, худой и тихий, стал идеальным «инь» для «ян» Роджера Брекстона, толстого, шумного, жизнерадостного экстраверта. Они сошлись и в личном, и в профессиональном плане. Их первый проект был совсем небольшим. Журнальное объявление для Объединенного фонда помощи детям с церебральным параличом.

Они предложили такой вариант: строгая черно-белая фотография мальчика с огромными, жуткого вида скобами на ногах, стоящего у линии первой базы на поле Малой бейсбольной лиги. Он был в бейсболке с эмблемой клуба «Нью-Йорк метс», его лицо – Роджер всегда утверждал, что именно выражение лица парнишки решило дело, – было вовсе не грустным, а скорее мечтательным. Почти счастливым на самом деле. Надпись первой строкой: «БИЛЛИ БЕЛЛАМИ НИКОГДА НЕ ОТОБЬЕТ МЯЧ». Под ней: «У БИЛЛИ ЦЕРЕБРАЛЬНЫЙ ПАРАЛИЧ». Еще ниже, шрифтом помельче: «Поможете?»

Приток пожертвований ощутимо возрос. Прекрасно для фонда, прекрасно для Вика и Роджера. Команда Трентона и Брекстона стартовала отлично. За первым проектом последовало еще полдюжины столь же успешных. Вик в основном генерировал идеи, Роджер занимался практическим их воплощением.

Для корпорации «Сони»: фотография мужчины в деловом костюме, который с блаженной улыбкой сидит по-турецки на разделительной полосе шестнадцатиполосной скоростной автострады, держа на коленях большой радиоприемник «Сони». Подпись к картинке: «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ВОЛНА, *THE ROLLING STONES*, ВИВАЛЬДИ, МАЙК УОЛЛЕС, *THE KINGSTON TRIO*, ПОЛ ХАРВИ, ПАТТИ СМИТ, ДЖЕРРИ ФОЛУЭЛЛ». И в самом низу, отдельной строкой: «ПРИВЕТ, ЛОС-АНДЖЕЛЕС!»

Для компании «Войт», производящей снаряжение для плавания: снимок мужчины, полной противоположности пляжным мальчикам из Майами. Он стоял с гордым видом в модельной позе на золотом пляже в хрестоматийном тропическом раю, татуированный пятидесятилетний мужик с пивным брюшком, руками и ногами с обвисшей мускулатурой и сморщенным шрамом высоко на бедре. В руках этот потрепанный солдат удачи держал пару ласт от «Войта». Надпись под фотографией крупным шрифтом: «МИСТЕР, Я ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЫРЯЛЬЩИК. У МЕНЯ ВСЕ СЕРЬЕЗНО». Ниже было еще много текста шрифтом помельче – рекламная бодяга, как ее называл Роджер, – но успех обеспечила именно фраза большими буквами. Вик с Роджером предлагали как вариант: «Я НЕ СТРАДАЮ ХЕРНЕЙ», – но заказчик его не принял. Жаль, любил говорить Вик за стаканчиком чего-нибудь крепкого. Могли бы продать больше ласт.

А потом появился Шарп.

Кливлендская компания «Шарп» занимала двенадцатое место в рейтинге предприятий пищевой промышленности США, когда старик Шарп скрепя сердце обратился в нью-йоркское агентство «Эллисон» после более двадцати лет сотрудничества с рекламным агентством в родном Кливленде. Старик любил подчеркнуть, что его компания даже крупнее, чем «Набиско» до Второй мировой войны. На что его сын неизменно отвечал, что война закончилась тридцать лет назад.

Был заключен договор – поначалу на полугодовой испытательный срок, – и Вик Трентон и Роджер Брекстон взялись за работу. К концу испытательного периода компания «Шарп», производящая печенье, торты и сухие завтраки, поднялась с двенадцатого места на девятое.

Еще через год, когда Вик и Роджер переехали в Мэн и открыли свое собственное агентство, она была уже на седьмом.

Их кампания получилась масштабной. Для телевизионной рекламы печенья «Шарп» Вик с Роджером придумали Стрелка Шарпа, шерифа-недотепу с Дикого Запада, чьи шестизарядные револьверы стреляли не пулями, а печеньем: шоколадным, имбирным или овсяным – ребята из команды спецэффектов постарались на славу. Все сюжеты заканчивались одинаково. Стрелок Шарп стоял с револьверами на отлете, печально глядя на гору настрелянного им печенья, и сообщал миллионам телезрителей: «Вот незадача, бандиты сбежали. Но осталось печенье. Лучшее печенье на Западе... и не только на Западе, я полагаю». Потом брал печенье, откусывал и, судя по выражению лица, испытывал гастрономическое блаженство, сравнимое с первым оргазмом. Затемнение. Конец сюжета.

Для тортов – шестнадцать наименований в ассортименте, на любой вкус – они представили ролик с Джорджем и Грейси, как их окрестил Вик. В самом начале мы видим, как Джордж и Грейси уходят с роскошного банкета, где столы ломятся от всевозможных деликатесов. Они приходят домой, в свою крошечную квартирку, где наверняка нет горячего водоснабжения. В ярко освещенной кухне Джордж садится за стол, накрытый клетчатой скатертью. Грейси вынимает из старенького холодильника песочный торт «Шарп» (или чизкейк, или штрейзелькухен) и ставит его на стол. Джордж и Грейси даже не стали переодеваться после банкета. Они улыбаются друг другу с теплотой, пониманием и любовью. Сразу видно, что эти двое живут в полной гармонии друг с другом. Дальше идет затемнение и надпись на черном фоне: «ИНОГДА ХОЧЕТСЯ ТОЛЬКО ТОРТА ОТ “ШАРПА”». Сами герои сюжета не произносят ни единого слова. Этот ролик получил премию «Клио».

Как и серия с участием профессора Шарпа, знатока сухих хлопьев, названная «самой ответственной рекламой для детских программ». Вик с Роджером считали профессора своим главным достижением... но именно он подложил им свинью.

Реклама с профессором Шарпом, которого играл характерный актер средних лет, была подчеркнута сдержанной и по-настоящему взрослой, что, собственно, и выделяло ее среди бесчисленных слащавых мультяшных сюжетов, рекламирующих жвачку, игрушки, прочие детские товары... и сухие хлопья для завтрака от конкурирующих компаний.

Сюжет начинался в пустом школьном классе, в обстановке, знакомой всем юным зрителям утренних субботних программ вроде «Шоу Багса Банни» или «Компании Драко». Профессор Шарп был одет в строгий костюм, свитер с V-образным вырезом и рубашку с расстегнутым воротничком. Его внешний вид и манера речи были умеренно авторитарными; Вик с Роджером опросили около сорока учителей и с полдюжины детских психологов и выяснили, что именно такая манера общения взрослых с детьми нравится большинству ребятшек и многим как раз не хватает подобного дома.

Профессор Шарп сидел за учительским столом в позе с намеком на некоторую небрежность – юные зрители могли бы предположить, что под этим строгим серым костюмом скрывается взрослый, с которым можно дружить, – но говорил медленно и серьезно. Он не командовал. Не вещал свысока. Не подольщался к детской аудитории. Не расхваливал свой продукт. Он обращался к маленьким телезрителям, любителям субботних мультипликационных программ и сухих сладких хлопьев, так, как будто они *настоящие люди*.

«Доброе утро, ребята, – говорил профессор тихим, спокойным голосом. – Это реклама сухих хлопьев для завтрака. Пожалуйста, слушайте меня внимательно. Я хорошо разбираюсь в хлопьях, потому что я, профессор Шарп, посвятил много лет их изучению. И вот что я вам скажу. Сухие хлопья от компании «Шарп» – «Звездочки», «Шоколадные мишки», «Воздушные отруби» и «Смесь всех злаков» – самые вкусные хлопья в Америке. К тому же они очень полезные. – Тут он выдерживал паузу, а потом улыбался... и когда он улыбался, *сразу* стано-

вилось понятно, что с ним можно дружить. – Поверьте мне, потому что я знаю. Ваши мамы об этом знают. Я просто подумал, что вам тоже надо знать».

На этом месте к профессору подходил молодой человек и вручал ему миску с залитыми молоком «Звездочками», или «Шоколадными мишками», или любыми другими хлопьями «Шарп». Профессор отправлял ложку в рот и говорил, глядя прямо в глаза юным зрителям в миллионах домов по всей стране: «Да, тут все хорошо».

Старик Шарп поначалу был против этой последней реплики. Зачем специально подчеркивать, что все хорошо? Это наводит на мысли, что *что-то* может быть плохо. Вику с Роджером все-таки удалось его убедить, и вовсе не с помощью рациональной аргументации. Рекламный бизнес по сути не рационален. Ты просто делаешь то, что по всем ощущениям кажется правильным, и сам толком не знаешь, *почему* это кажется правильным. И Вик, и Роджер были уверены, что последняя реплика профессора заключает в себе немалую силу, вроде простую, но неодолимую. В устах профессора Шарпа эти слова звучали надежной гарантией безопасности. «Я тебя не подведу, я тебя никогда не обижу» – вот что под ними подразумевалось. В мире, где разводятся родители, где старшие мальчишки бьют младших просто так, безо всякой причины, где твоя бейсбольная команда постоянно проигрывает, где хорошие парни далеко не всегда побеждают, как это бывает в кино, где тебя не приглашают на *хорошие* дни рождения – в мире, где *столько* плохого, – всегда будут «Звездочки», и «Шоколадные мишки», и «Смесь всех злаков», и они всегда будут вкусными. «Да, тут все хорошо».

При вялом содействии Шарпа-младшего (впоследствии Роджер говорил, что можно подумать, будто сынуля сам все сочинил) профессор Шарп был одобрен и появился в утреннем субботнем эфире, а также в рекламных блоках еженедельных программ, таких как «Космические бойцы», «Соединенные штаты Арчи», «Герои Хогана» и «Остров Гиллигана». Продажи хлопьев от «Шарпа» заметно поднялись по сравнению со всей прочей продукцией компании, а сам профессор стал чуть ли не достоянием нации. Его коронную фразу: «Да, тут все хорошо» – знали и повторяли по всей Америке примерно в том же значении, что «без проблем» и «не парься».

Когда Вик и Роджер решили открыть свое дело, они соблюли все негласные правила и не стали обращаться к своим предыдущим клиентам, пока их связи с агентством «Эллисон» не оказались формально – и вполне мирно – разорваны. Первые полгода в Портленде прошли напряженно. Тэду был всего годик. Донна, ужасно скучавшая по Нью-Йорку, ходила угрюмая и раздраженная, а временами и вовсе испуганная. У Роджера открылась старая язва желудка – боевой шрам, оставшийся от многолетних рекламных сражений в Большом Яблоке; когда они с Алтией потеряли ребенка, язва вновь обострилась, и какое-то время он жил исключительно на таблетках. Алтия старалась держаться, и Вику казалось, что при сложившихся обстоятельствах она держится очень даже неплохо; но потом Донна заметила, что бокал слабенького коктейля, который Алтия обычно пила перед ужином, теперь превратился в два бокала до и три после. Их семья не раз отдыхала в Мэне – и отдельно, и вместе, – но ни Вик, ни Роджер не могли себе даже представить, сколько здешних дверей изначально закрыты перед теми, кто приехал, как говорят коренные мээнцы, из «всяких других штатов».

Они и вправду пошли бы ко дну, будто два топора, как сказал Роджер, если бы Шарп не решил продолжить сотрудничество. Мнения сторон в кливлендской штаб-квартире разительно переменялись. Теперь уже старик ратовал за то, чтобы остаться с Виком и Роджером, а сынуля (к тому времени сорокалетний) хотел прекратить с ними все отношения, вполне логично аргументируя свою позицию тем, что будет полным безумием заказывать крупные рекламные проекты в крошечном агентстве из двух человек, засевших в какой-то провинции в шестистах милях к северу от Нью-Йорка. Тот факт, что «Эд уоркс» держало тесную связь с одной из ведущих нью-йоркских фирм по анализу рынка, не произвел впечатления на сынулю. Как и

на представителей других компаний, с которыми Вик и Роджер работали последние несколько лет.

– Если бы лояльность была туалетной бумагой, – с горечью высказался тогда Роджер, – нам было бы нечем вытереть задницу, дружище.

Но старик Шарп уже принял решение и оказал им поддержку, в которой они так отчаянно нуждались.

– Мы сорок лет обходились здешним местным агентством, – сказал он. – Если ребята хотят переехать из этого безбожного города, можно только порадоваться, что у кого-то из молодых еще есть здравый смысл.

Так все и решилось. Старик сказал свое веское слово. Сынуля заткнулся. Все последние два с половиной года Стрелок Шарп продолжал стрелять печеньем, Джордж и Грейси продолжали вкушать торты от «Шарпа» на своей крохотной кухне, профессор Шарп продолжал говорить маленьким телезрителям, что все хорошо. Съемки сюжетов проходили на маленькой независимой студии в Бостоне, нью-йоркская фирма по анализу рынка компетентно справлялась со своей задачей, три-четыре раза в год либо Вик, либо Роджер летали в Кливленд на совещания с Кэрроллом Шарпом и его сыном, чьи виски уже тронула заметная седина. Все прочие переговоры велись по почте или по телефону. Возможно, это была странная процедура – и уж точно не самая удобная, – но все прекрасно работало.

А потом появились «Малиновые колючки».

Вик с Роджером, разумеется, знали об этом продукте, хотя он появился в широкой продаже буквально два месяца назад, в апреле 1980-го. Большинство хлопьев Шарпа были либо умеренно сладкими, либо вовсе не сладкими. «Смесь всех злаков», вклад компании в развитие производства «натуральных» продуктов питания, оказалась особенно успешной. Однако «Малиновые колючки» предназначались для тех покупателей, кто обычно берет на завтрак такие сладкие хлопья, что их уже можно условно считать рассыпчатыми конфетами.

В конце лета и начале осени 1979-го в трех городах прошли успешные тестовые продажи «Колючек»: в Бойсе, штат Айдахо, Скрантоне, штат Пенсильвания, и на новой родине Роджера, в Бриджтоне, штат Мэн. Театрально передернув плечами, Роджер заявил Вику, что не подпустит своих дочерей и на пушечный выстрел к этой красной жути (хотя он был доволен, когда Алтия сказала ему, что девчонки просили купить эти хлопья, увидев их в магазине).

– Там больше сахара, чем самих хлопьев, и цвет у них как у пожарной машины.

Вик согласно кивнул и сказал, даже не подозревая, что выступает пророком:

– Когда я в первый раз заглянул в эту пачку, мне показалось, что там все в крови.

* * *

– Ну так что? – повторил Роджер. Он прикончил уже половину своего сэндвича, пока Вик мрачно прокручивал в голове ход событий. Он все больше и больше склонялся к мысли, что старый Шарп и его стареющий сын собирались устроить расправу над гонцами, принесшими дурную весть.

– Да, наверное, попробовать стоит.

Роджер хлопнул его по плечу.

– Наш человек, – сказал он. – А теперь ешь.

Но Вику совсем не хотелось есть.

Их с Роджером пригласили в Кливленд на «чрезвычайное совещание», которое должно было состояться через три недели после Четвертого июля. Многие руководящие сотрудники компании разъехались в отпуска, и, чтобы их всех собрать, требовалось время. Одним из пунктов повестки будет сотрудничество с «Эд уоркс». «Для оценки перспективы дальнейшего вза-

имодействия», – так было сказано в письме. Как понял Вик, это означало, что сынуля решил воспользоваться ситуацией с «Колючками» и все-таки сделать им ручкой.

Примерно через три недели после того, как «Малиновые колючки» появились в широкой продаже при активном – хоть и сдержанно строгом – содействии профессора Шарпа («Да, тут все хорошо»), был зафиксирован первый случай госпитализации. Бьющаяся в истерике мать привезла четырехлетнюю дочку в больницу, уверенная, что у ее девочки внутреннее кровотечение. Малышку, у которой не обнаружилось ничего, кроме легкой формы гриппа, сильно вырвало чем-то красным, и мать с перепугу решила, что это кровь.

Да, тут все хорошо.

Это произошло в Айова-Сити, штат Айова. На следующий день было зарегистрировано еще семь подобных случаев. Еще через день – двадцать четыре. Во всех случаях у детей был понос или рвота, и родители срочно везли их в больницу, опасаясь внутренних кровотечений. Количество детских госпитализаций нарастало стремительно: сначала счет шел на сотни, потом – на тысячи. Ни в одном из этих случаев рвота и/или понос не были вызваны непосредственно хлопьями, но на волне нарастающей паники этот факт упустили из виду.

Да нет же, тут все хорошо.

«Эпидемия» распространилась по всей стране. Как оказалось, проблема – в пищевом красителе, придающем «Колючкам» насыщенный красный цвет. Сам по себе он совершенно безвредный, но этот факт тоже по большей части упустили из виду. Что-то пошло не так, и красная краска, которая обычно усваивалась организмом, теперь не усваивалась, а выводилась как есть. Испорченный краситель попал лишь в одну партию хлопьев, но это была очень большая партия. Один врач сказал Вику, что если бы какой-то ребенок умер сразу после того, как съел миску «Малиновых колючек», и ему сделали бы вскрытие, то его пищевод был бы красным, как стоп-сигнал. Эффект был временным, но и об этом никто не думал.

Роджер был настроен решительно. Если уж умирать, то с музыкой. Паля из всех имеющихся в арсенале стволов. Он уже составил план действий. Встретиться с ребятами из бостонской студии, где снимались рекламные ролики. Затем поговорить с актером, который играет профессора Шарпа и так вжился в роль, что этот случай с «Колючками» стал для него настоящим ударом. Кроме того, обсудить ситуацию с маркетологами в Нью-Йорке. И самое главное, почти две недели в Бостоне и Нью-Йорке Роджер с Виком проведут практически не расставаясь, и у них будет время все хорошенько обсудить и устроить мозговой шторм, как в старые добрые времена. Роджер надеялся, что им удастся придумать какой-нибудь феерический ход, что сразит наповал старика Шарпа и сына. Они приедут в Кливленд не с выбритыми затылками, готовые лечь на плаху, а с планом битвы за восстановление доброго имени компании после прокола с «Колючками». Так было в теории. На практике они оба знали, что их шансы и вправду примерно такие же, как шансы уже упомянутых «Кливленд индианс» победить в Мировой серии.

У Вика были и другие проблемы. В последние месяцев восемь он стал замечать, что они с женой потихонечку отдаляются друг от друга. Он по-прежнему ее любил, а Тэда и вовсе чуть ли не боготворил, но что-то у них в семье было неладно, и Вика не покидало тревожное ощущение, что дальше будет еще хуже. Причем уже очень скоро. Эта поездка – гран-тур из Бостона в Нью-Йорк, а затем в Кливленд – была совершенно некстати. Лучше бы провести эти десять дней дома, с семьей. Понять, что происходит. Иногда Вик смотрел на жену и видел кого-то другого, словно из-под знакомых черт проступали черты незнакомки.

И его мучил вопрос. Вопрос, непрестанно вертевшийся в голове по ночам, когда Вику не удавалось заснуть, а в последнее время такие ночи случались все чаще. У нее есть любовник? Они с Донной почти перестали заниматься любовью. У нее кто-то есть? Он надеялся, что нет. Но что он думал на самом деле? Говорите как на духу, мистер Трентон, иначе будут последствия.

Он не был уверен. И не хотел быть уверенным. Он боялся, что если его опасения подтвердятся, то их с Донной браку наступит конец. Он по-прежнему был влюблен в нее до безумия, с тех пор как они поженились, ему даже в голову не приходило завести интрижку на стороне, и он мог многое ей простить. Но не измену. Никому неохота ходить с рогами; они растут из ушей, и детишки на улице смеются над странным дяденькой. Он...

– Что? – спросил Вик, выходя из задумчивости. – Извини, Родж, я прослушал.

– Я сказал: «Эти чертовы красные хлопья».

– Да, – кивнул Вик. – За это и выпьем.

Роджер поднял бокал.

– Ну, так пей, – сказал он.

Вик выпил.

* * *

Примерно через неделю после того, как Вик с Роджером встретились за невеселым обедом в «Желтой подводной лодке», Гэри Первье сидел на заросшей бурьяном лужайке у своего дома у подножия холма Семи дубов в конце городского шоссе номер 3 ипил «Отвертку», состоящую на четверть из апельсинового сока и на три четверти из водки «Попов». Он сидел в тени старого вяза – пораженного голландской грибковой болезнью в последней необратимой стадии, – на раздолбанном древнем шезлонге, давно отслужившем свой век. Гэри пил водку «Попов», потому что она была самой дешевой. Во время последнего алкорейда он хорошо закупился спиртным в Нью-Хэмпшире, где оно стоит сущие гроши. «Попов» даже в Мэне достаточно дешев, но в Нью-Хэмпшире *еще дешевле*. Штат Нью-Хэмпшир – отличное место, где есть все, что нужно для красивой жизни: богатенькая лотерея, дешевая выпивка, дешевые сигареты, всевозможное туристическое развлекалово вроде «Деревни Санта-Клауса» или «Города шести стволов». Да, прекрасное место. Старый шезлонг Гэри врос глубоко в землю на запущенной лужайке у дома. Сам дом тоже пришел в запустение: серая развалюха с облупившейся краской и просевшей крышей. Ставни держались на честном слове. Покосившаяся труба напоминала пьянчужку, пытающегося подняться на ноги после очередного падения. Черепица, слетевшая с крыши во время последней снежной бури прошлой зимой, так и висела на ветках умиравшего вяза. Да, это явно не Тадж-Махал, частенько говаривал Гэри, но кого это долбит?

В этот жаркий июньский денек Гэри был в стельку пьян. В общем-то это было его нормальное состояние. Он знать не знал Роджера Брекстона. Знать не знал Вика Трентона. Знать не знал Донну Трентон, но если бы он ее знал, ему было бы абсолютно насрать, пусть хоть целая команда на выезде отбивает мячи прямиком в ее кэтчерскую перчатку. Он знал семейство Камбер и их пса Куджо; Камберы жили на вершине холма, в самом конце городского шоссе номер 3. Они с Джо Камбером не раз выпивали на пару, и Гэри смутно осознавал, что Джо Камбер изрядно продвинулся на пути к алкоголизму. Сам Гэри прошел этот путь до конца.

– Да, я никчемный алкаш, и хрен с ним! – объявил Гэри птицам и черепице на ветках больного вяза. Сделал глоток. Зычно перднул. Прихлопнул какую-то мушку. У него на лице лежал пятнистый узор из света и тени. Остовы нескольких распотрошенных машин за домом почти утонули в высоких зарослях сорняков. Западная стена дома сплошь заросла плющом. В этой густой растительности еле-еле проглядывало окно, которое в солнечную погоду сверкало, как грязный бриллиант. Два года назад, в приступе пьяного буйства, Гэри зачем-то вышвырнул в это окно небольшой комод. Окно пришлось застеклить заново, чтобы не замерзнуть зимой, но комод так и остался в том месте, куда упал. Один ящик выдвинулся и торчал, словно высунутый язык.

В 1944-м двадцатилетний Гэри Первье в одиночку захватил немецкий дот во Франции, после чего повел в атаку ребят из своего поредевшего отряда. Они продвинулись на десять

милль, и только потом он свалился с шестью пулевыми ранениями, полученными при штурме пулеметной огневой точки. За проявленный героизм его представили к высшей награде армии США, кресту «За выдающиеся заслуги». В 1968-м Гэри привез медаль Бадди Торгесону из Касл-Фоллза и попросил переплавить ее в пепельницу. Бадди был в шо- ке. Гэри сказал, что лучше бы, конечно, сделать из креста унитаза, чтобы в него срать, но для такого он все-таки маловат. Бадди разнес эту новость по всей округе. Может быть, Гэри именно этого и хотел. Может быть, нет.

Как бы там ни было, местные хиппи пришли в восхищение. Летом шестьдесят восьмого многие из них проводили каникулы на Великих озерах вместе с богатенькими родителями – в ожидании сентября, когда можно будет вернуться в университеты и продолжить учебу в области протестов, психоделиков и перепихонов.

В общем, Бадди Торгесон, который работал на автозаправке «Эссо» в Касл-Фоллзе (теперь они все называются «Эксон», но Гэри Первье, понятно, на это насрать), а в свободное время подрабатывал кузнецом, переплавил медаль в пепельницу, и эту историю потом напечатали в «Голосе Касл-Рока», причем автор статьи истолковал произошедшее как антивоенный протест. Вот тогда к дому Гэри на городском шоссе номер 3 и потянулись толпой восхищенные хиппи. Им хотелось сказать старику, что он «четкий чувак». Им хотелось сказать, что он «крут и неслаб». Им хотелось сказать, что он «вообще чумовой».

Гэри показывал всем пришельцам одно и то же – а именно свой «винчестер» калибра 30–06 – и велел убираться с его земли. С его точки зрения, все эти хиппи были шайкой немытых, завшивленных, длинноволосых, сексуально озабоченных кретинов с левацкими замашками. Он грозился, что будет стрелять, и ему глубоко до того самого места, если их потроха разлетятся от Касл-Рока до Фрейберга. Со временем хиппи оставили его в покое, на чем история с медалью благополучно закончилась.

Одна из тех шести немецких пуль, доставшихся Гэри Первье, снесла ему напрочь правое яичко; врач обнаружил его размазанным по казенным армейским трусам. Второе яичко сохранилось почти нетронутым и периодически обеспечивало ему вполне крепкий стояк. Впрочем, самому Гэри было на это насрать, как он не раз говорил Джо Камберу. Благодарное отечество наградило его крестом «За выдающиеся заслуги». Благодарные медики выписали его в феврале 1945-го из парижского госпиталя с восьмидесятипроцентной пенсией по инвалидности и пристрастием к дорогим наркотическим веществам. Благодарные земляки устроили в городе парад в его честь 4 июля 1945 года (ему уже исполнился двадцать один год, он получил право голосовать, его волосы поседели на висках, и он чувствовал себя семисотлетним старцем, да уж, жизнь удалась). Благодарная городская администрация навсегда освободила Гэри Первье от уплаты налога на недвижимое имущество. Это было хорошо, потому что иначе он лишился бы дома с участком еще лет двадцать назад. Морфий, которого было уже не достать, пришлось заменить крепким спиртным, после чего Гэри занялся делом всей своей жизни, то есть медленно и по возможности не без приятности себя убивал.

Теперь, в 1980-м, в свои пятьдесят шесть он совсем поседел и стал злющим, как бык, которому плеснули под хвост скипидаром. Во всем мире было лишь три живых существа, кто его не бесил: Джо Камбер, его сынишка Бретт и сенбернар Бретта Куджо.

Он откинулся на спинку шезлонга, чуть его не опрокинув, и отпил еще «Отвертки» из большого бокала, которым бесплатно разжился в «Макдоналдсе». На бокале была нарисована какая-то фиолетовая животина. Нечто по имени Гримаска. Гэри частенько захаживал в «Макдоналдс», где еще можно поесть недорогих гамбургеров. Гамбургеры – хорошее дело. А что до Гримаски... и мэра Макчиза... и ублюдского Роналда Макдоналда... Гэри Первье было абсолютно насрать на всю братию.

Слева в высокой траве промелькнуло что-то большое и рыжегато-коричневое, и через пару секунд на заросшую лужайку у дома Гэри вышел Куджо. Увидев Гэри, он вежливо гавкнул и подошел ближе, виляя хвостом.

– Куджи, старый ты сукин сын, – ласково проговорил Гэри. Потом поставил бокал на землю и принялся сосредоточенно рыться в карманах в поисках собачьих галет. Он всегда держал под рукой угощение для Куджо, такого хорошего, славного пса.

Он нашел две галеты в кармане рубашки и показал их Куджо.

– Сидеть, парень. Сидеть.

Даже в самом плохом и озлобленном настроении он всегда улыбался, когда видел, как этот огромный пес весом две сотни фунтов садится на задние лапы, как кролик.

Куджо сел, и Гэри заметил у него на носу небольшую, но скверную на вид подсохшую царапину. Он бросил псу галеты, сделанные в форме косточек, и Куджо легко поймал их на лету. Уронил одну между передними лапами и принялся с хрустом жевать вторую.

– Хороший пес, – сказал Гэри и протянул руку, чтобы потрепать Куджо по голове. – Хороший...

Куджо зарычал. Зарычал как-то странно. Глухо, утробно, почти задумчиво. Он посмотрел на Гэри, и его взгляд был таким пристальным и холодным, что Гэри пробрал озноб. Он быстро отдернул руку. С таким большим псом, как Куджо, шутки плохи. Иначе будешь до конца жизни вытирать задницу крюком вместо руки.

– Что с тобой, парень? – удивился Гэри. Он ни разу не слышал, чтобы Куджо рычал. Ни разу с тех пор, как Камберы взяли его щенком. Сказать по правде, Гэри даже не думал, что старина Куджо вообще умеет рычать.

Куджо легонько вильнул хвостом, словно устыдившись своего секундного срыва, и подошел к Гэри, чтобы тот его погладил.

– Ну вот, так-то лучше, – сказал Гэри, взъерошив шерсть на загривке у пса. Всю неделю стояла адская жара, а скоро будет еще жарче, по словам Джорджа Миры, который слышал прогноз от тетушки Эвви Чалмерс. Да, наверное, в этом все дело. Собаки переносят жару еще хуже, чем люди, и нет таких правил, запрещающих доброму псу время от времени злиться. Но Гэри все равно удивило, что Куджо рычал. Если бы ему кто сказал, что такое бывает, он бы не поверил.

– Ешь вторую галету, – сказал Гэри и указал пальцем.

Куджо подошел к лежавшей в траве галете, взял ее в зубы – изо рта потекла длинная струйка слюны – и опять уронил. Затем обернулся и виновато взглянул на Гэри.

– Ты не ешь угощение?! – поразился Гэри. — Ты не ешь?!

Куджо снова поднял галету и съел.

– Вот так-то лучше, – кивнул Гэри. – Жара тебя не убьет, парень. И меня не убьет, хотя моему геморрою будет хреновато. Ну, мне насрать, пусть растет хоть размером с мячи для гольфа. Понимаешь меня? – Он прихлопнул комара.

Куджо улегся рядом с шезлонгом, и Гэри снова поднял бокал. «Отвертки» осталось буквально на доннышке. Пора освежить, как говорят эти сучки в загородном клубе.

– Освежить мою задницу, – пробурчал Гэри и махнул в сторону крыши, пролив липкую смесь из водки и апельсинового сока на свою тощую, обгоревшую на солнце руку. – Видишь эту трубу, Куджи, дружище? Скоро обрушится на хрен. И знаешь что? Мне насрать. Пусть хоть все рухнет к чертям собачьим, мне уже перднуть с посвистом. Понимаешь меня?

Куджо снова вильнул хвостом. Он не понимал, о чем говорит ЧЕЛОВЕК, но интонации были знакомыми, ритм голоса успокаивал. Куджо слушал подобные речи по дюжине раз в неделю уже очень давно... кажется, целую вечность. Ему нравился этот ЧЕЛОВЕК, который всегда угощал его чем-нибудь вкусным. Просто в последнее время у Куджо совсем не было аппетита, но если ЧЕЛОВЕК хочет, чтобы он поел, значит, он будет есть. А потом можно лечь

– собственно, он уже лег – и слушать успокаивающий разговор. Куджо весь день чувствовал себя плоховато. Он рыкнул на ЧЕЛОВЕКА не потому, что ему было жарко, а лишь потому, что ему было нехорошо. На мгновение – всего на мгновение – ему захотелось укусить ЧЕЛОВЕКА.

– Я гляжу, нос у тебя поцарапан, – сказал Гэри. – Небось залез в ежевику. За кем гнался? За кроликом? За сурком?

Куджо вяло вильнул хвостом. В кустах стрекотали сверчки. За домом, в буйно разросшейся жимолости, сонно гудели пчелы, разморенные жарким солнцем. В жизни Куджо все должно было быть хорошо, но почему-то ему было плохо. Если по правде, то очень плохо.

– Мне даже насрать, если у этого деревенщины из Джорджии разом выпадут зубы, а заодно и у Рей-га-на, – объявил Гэри, нетвердо поднявшись на ноги. Шезлонг опрокинулся и сложился. Но, как вы уже поняли, Гэри Первье было на это насрать. – Извини, парень.

Он пошел в дом и соорудил себе новый коктейль. В жутко запущенной кухне кружили мухи, повсюду валялись пакеты, набитые мусором, пустые жестянки и пустые бутылки из-под спиртного.

Когда Гэри вернулся во двор с полным бокалом, Куджо уже ушел.

* * *

В последний день июня Донна Трентон вернулась из делового центра Касл-Рока (местные сказали бы «из деловой части», но Донна, слава богу, еще не нахваталась здешних мэнских словечек), где оставила Тэда в детском саду и зашла в магазин за продуктами. Ей было жарко, она страшно устала, и стоявший у дома старенький микроавтобус Стива Кемпа с расписанным яркими пустынными пейзажами кузовом внезапно привел ее в ярость.

Ярость копилась весь день. За завтраком Вик рассказал о предстоящей поездке, а когда Донна начала возмущаться, что он бросает ее одну с Тэдом на десять дней, если и вовсе не на две недели, очень доходчиво объяснил, что именно поставлено на карту. Он ее напугал, а Донна терпеть не могла бояться. До сегодняшнего утра вся история с «Малиновыми колючками» казалась ей чуть ли не шуткой, которая вряд ли затронет Вика с Роджером. Она даже не думала, что у такой ерунды могут быть столь серьезные последствия.

Потом Тэд раскапризничался и не хотел идти в садик, потому что в прошлую пятницу его толкнул большой мальчик. Большого мальчика звали Стэнли Добсон, и Тэд боялся, что сегодня он снова будет толкаться. Тэд плакал, когда она привезла его на стадион Американского легиона, где работал летний детский сад, и ей пришлось отрывать пальчики сына от своей блузки, один за другим. При этом она ощущала себя не любящей матерью, а каким-то фашистом: *Ты пойдешь в садик, ja? Ja, mein Mama!* Иногда Тэд казался таким *маленьким* и беззащитным для своих четырех лет. Вроде бы единственный ребенок в семье должен быть самостоятельным и вообще развитым не по годам? Его пальцы были испачканы шоколадом, и на ее блузке остались пятна, похожие на окровавленные отпечатки ладоней с иллюстраций в недорогих детективных журналах.

Вдобавок ко всем прочим радостям на обратном пути забарахлил мотор ее «пинто». Машину дергало и бросало вперед-назад, словно на нее напала икота. Вскоре все пришло в норму, но что случилось однажды, может случиться опять, и...

...и, как будто всего перечисленного было мало, к ней приехал Стив Кемп.

– Охренеть какой чудный денек, – пробормотала она, подхватила пакет с покупками и вышла из машины, красивая высокая женщина двадцати девяти лет, темноволосая и сероглазая. Даже в такую невыносимую жару она выглядела относительно свежей в своей испачканной шоколадом легкой блузке и липнущих к бедрам и заднице серых шортах.

Донна быстро поднялась на крыльцо и вошла в дом. Стив сидел в гостиной, в любимом кресле Вика. Пил пиво из запасов Вика. Курил сигарету – видимо, все-таки свою собственную. Телевизор был включен, там шел сериал «Главная больница».

– О, принцесса явилась. – Стив улыбнулся одним уголком рта. Когда-то эта улыбка казалась Донне очаровательной и интригующе опасной. – Я уж думал, ты никогда не...

– Убирайся из моего дома, сукин сын, – произнесла она ровным голосом и прошла в кухню. Поставила пакет с покупками на разделочный стол и начала вынимать продукты. Она даже не помнила, когда в последний раз злилась так сильно, что от злости сводило живот, словно там затянулся тугий ноющий узел. Наверное, еще в старших классах, во время бесчисленных ссор с матерью. Пока она не поступила в университет и не сбежала из дома, подальше от этого вечного шоу ужасов. Когда Стив встал у нее за спиной и приобнял за талию, положив загорелые руки на ее голый живот, Донна отреагировала не раздумывая и залепила ему локтем в грудь. Ее гнев не остыл, даже наоборот. Стив, похоже, предвидел удар и напряг мышцы. Он много и часто играл в теннис, и ее локоть как будто врезался в каменную стену, покрытую слоем твердой резины.

Она обернулась и посмотрела в его улыбающееся бородатое лицо. Ее рост составлял пять футов одиннадцать дюймов; когда она надевала туфли на каблуках, то становилась на дюйм выше Вика. Но Стив был заметно выше ее.

– Ты что, не слышишь? *Убирайся из моего дома!*

– Зачем? – сказал он. – Малыш в саду мастерит набедренную повязку из бусин или стреляет из детского лука по яблокам на головах воспитателей... или чем они там занимаются, я не знаю... муженек трудится в поте лица на работе... и сейчас самое время красивейшей *Hausfrau* Касл-Рока и заезжему поэту, бродяге и теннисисту слиться в едином и гармоничном сексуальном экстазе.

– Ты поставил машину у дома, – сказала Донна. – Ты бы еще вывесил на боку транспарант «Я ТРАХАЮ ДОННУ ТРЕНТОН» или еще что-нибудь остроумное в том же духе.

– У меня есть все основания поставить машину у дома, – сказал Стив, по-прежнему улыбаясь. – Я привез ваш комод. Снял всю краску, теперь он совсем голенький. А сейчас я бы с радостью оголил и тебя, детка.

– Поставь комод на веранде. Пока будешь его выгружать, я выпишу тебе чек.

Его улыбка слегка побледнела. Впервые с тех пор, как Донна застала его в гостиной, сквозь налет внешнего чарующего обаяния проступил настоящий Стив Кемп. Который ей очень не нравился. Ей было противно, что она с ним спала. Она лгала Вика и, по сути, его предала, чтобы лечь в постель с этим Кемпом. Ей было бы проще, если бы ее нынешнее прозрение происходило как выздоровление после тяжелой болезни, как будто она вдруг очнулась от бреда и поняла, что ей нужен только Вик, и больше никто. Но если содрать всю кору, оставалась простая и неприглядная правда: человек, с которым она изменила мужу – неотразимый Стив Кемп, публикующийся поэт, странствующий реставратор мебели, неплохой теннисист-любитель и прекрасный любовник, – был настоящим подонком.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Да уж, никто не откажет чувственному красавчику Стивену Кемпу, – сказала она. – Это вроде как шутка. Но я не шучу. Так что давай-ка, красавчик Стивен, выгружай на веранду комод, забирай чек и уматывай.

– Не говори со мной в таком тоне, Донна. – Он схватил ее за грудь и сжал со всей силы. Было больно. Теперь к ее злости прибавился легкий страх. (Но разве ей не было всегда чуточку страшно? Разве страх не был пикантной приправой к их грязной связи?)

Она отбросила его руку.

– Не зли меня, Донна. – Он больше не улыбался. – Иначе я за себя не ручаюсь.

– Еще кто кого злит, вот вопрос. Ты сам сюда заявился. Я тебя не звала.

Он ее напугал, и поэтому она разозлилась еще сильнее. Его густая черная борода закрывала почти все лицо до самых скул, и Донне вдруг подумалось, что хотя она неоднократно видела вблизи его член – и брала его в рот, – она, в сущности, даже не знает, какое у него лицо.

– Я понял, в чем дело, – сказал он. – У тебя был легкий зуд в одном месте, я его почесал и могу идти на фиг. Так? А на мои чувства всем наплевать?

– Не дыши на меня, – сказала она и оттолкнула его, чтобы убрать молоко в холодильник.

Такого Стив не ожидал. Ее толчок застал его врасплох, он потерял равновесие и отшатнулся назад. Его лоб внезапно прорезали складки, на скулах вспыхнули красные пятна. Донна уже видела его таким. На теннисных кортах за Бриджтонской академией. Когда он запарывал легкие мячи. Она несколько раз наблюдала, как он играет – включая тот матч, когда Стив разгромил ее мужа в двух сетах, причем в отличие от Вика даже не запыхался, – и в тех редких случаях, когда он проигрывал, его реакция на поражение тревожила Донну и наводила на мысли, что она зря с ним связалась. Его стихи публиковались в более чем двух дюжинах мелких журналов, его книга «Догоняя закат» вышла в маленьком независимом издательстве «Гаражная типография» в Батон-Руж. Он окончил частный Университет Дрю в Нью-Джерси, имел четкое мнение относительно современного искусства, фильмов Энди Уорхола и предстоящего референдума по атомной энергетике в Мэне и относился к двойным ошибкам на собственной подаче примерно так же, как Тэд относился к известию, что пора спать.

Он шагнул к ней, схватил за плечо и развернул лицом к себе. Пакет молока выскользнул у нее из рук, упал на пол и порвался.

– Смотри, что ты наделал, – сказала Донна.

– Слушай, я не из тех, кем можно помыкать. Ты...

– *Убирайся из моего дома!* – выкрикнула она ему прямо в лицо, забрызгав слюной его лоб и щеки. — *Что мне сделать, чтобы ты понял? Нарисовать картинку? Тебе здесь не рады! Осчастливь своим неотразимым присутствием кого-то другого!*

– Дешевая сучка, – пробормотал он сквозь зубы. Его голос был хмурым, лицо сделалось злым. Он по-прежнему держал ее за плечо.

– Комод можешь оставить себе. Или выкинуть на помойку.

Она все-таки вырвалась и подошла к раковине, чтобы взять тряпку. Ее руки тряслись, в желудке бурлило, голова начинала болеть. Донна даже подумала, что ее сейчас вырвет.

Она встала на четвереньки и принялась вытирать пролившееся молоко.

– Кем ты себя возомнила? – усмехнулся он. – С каких это пор твоя дырка вдруг сделалась золотой? Тебе же нравилось. Ты кричала и просила еще.

– Ты очень верно употребил время. Прошедшее, – сказала она, не поднимая взгляда. Волосы упали ей на лицо, и она не стала их убирать. Так даже лучше. Ей не хотелось, чтобы он заметил, как она побледнела и как ей дурно. Ей казалось, что это какой-то кошмарный сон. Наверное, если бы она сейчас глянула на себя в зеркало, то увидела бы страшную ведьму с перекошенным лицом. – Уходи, Стив. Сколько можно тебе повторять?

– А что будет, если я не уйду? Ты позвонишь шерифу Баннерману? И что ты ему скажешь? «Привет, Джордж, это жена мистера Бизнесмена. Парень, с которым я трахаюсь за спиной мужа, не желает уходить. Вы не могли бы приехать и забрать его в участок?» Так вот прямо и скажешь?

Ее страх нарастал. До замужества Донна работала библиотекарем в школьной системе Уэстчестера, и у нее был свой собственный личный кошмар, связанный с этой работой. Когда дети слишком шумели, ей приходилось их урезонивать и говорить – очень строгим и громким голосом, – чтобы они *немедленно* замолчали. Обычно с третьего раза они понимали и слушались – по крайней мере, шумели уже не так сильно, как прежде, – но что, если бы они не послушались? Вот где был настоящий кошмар. Что, если бы дети ее не послушались? И что тогда делать? Ее пугал этот вопрос. Ее пугало, что такой вопрос вообще может возникнуть – даже

наедине со своими мыслями под покровом ночи. Она боялась повышать голос и прибегала к этому средству лишь в крайних случаях. Потому что за этой границей кончается цивилизованный мир. За этой границей асфальтовое шоссе превращается в грязную грунтовку. Если тебя не слушают, когда ты говоришь громким голосом, остается только кричать.

И теперь этот кошмар вернулся. Если Стив не уйдет, если он вновь попытается к ней прикоснуться, она наверняка закричит. И что дальше?

– Уходи, – тихо проговорила она. – Пожалуйста. Между нами все кончено.

– А если я все-таки не уйду? Если я изнасилую тебя прямо здесь, на полу, в этой чертовой луже молока?

Она взглянула на него сквозь пряди упавших на глаза волос. Ее бледность еще не прошла, и глаза казались невероятно огромными на белом лице.

– Тогда готовься к тому, что я буду сопротивляться. И если у меня будет возможность оторвать тебе яйца или выцарапать глаза, я ею воспользуюсь.

Его лицо стало жестким и замкнутым, но ей показалось, что в его взгляде промелькнула некоторая неуверенность. Он знал, какая она проворная. Знал, что она в неплохой форме. Да, он обыгрывал ее в теннис, но она заставляла его попотеть. Вряд ли что-то грозит его яйцам или глазам, но расцарапать ему лицо она очень даже способна. Вопрос в том, как далеко он намерен зайти. Донна ощутила какой-то густой скверный запах, словно в кухне повеяло дикими джунглями, и с ужасом поняла, что этот запах исходит от них со Стивом. Смесь ее страха и его злости.

– Комод отвезу обратно в мастерскую, – сказал Стив. – Почему бы тебе не прислать за ним своего распрекрасного муженька, Донна? У нас с ним есть о чем поговорить. Кто чего ободрал, кто кого отодрал.

С тем он и ушел, хлопнув дверью так сильно, что стекло зазвенело и чуть не разбилось. Спустя пару секунд взревел двигатель микроавтобуса, сначала на холостых оборотах, а потом под нагрузкой, когда Стив резко переключил передачу. Его поспешный отъезд сопровождался пронзительным визгом шин.

Донна закончила вытирать пол, периодически поднимаясь, чтобы отжать тряпку в раковину. Она смотрела, как белые струйки молока утекают в сливное отверстие. Ее всю трясло, отчасти из-за нервной реакции, отчасти от облегчения. Угроза Стива рассказать обо всем Вику как-то не отложилась у нее в голове. Сейчас Донна думала лишь об одном: о цепи событий, приведших к сегодняшней безобразной сцене.

Она искренне верила, что ее интрижка со Стивом Кемпом случилась почти нечаянно. Непредвиденно, как прорыв канализационной трубы. Такие трубы, как ей представлялось, проходят под аккуратно подстриженными лужайками почти каждого брака в Америке.

Она не хотела переезжать в Мэн и пришла в ужас, когда Вик впервые об этом заговорил. Несмотря на то что они часто ездили туда в отпуск (а может быть, именно из-за того, что они часто ездили туда в отпуск), Мэн представлялся ей этакой лесной пустошью, где зимой наметает сугробов высотой в двадцать футов и люди оказываются отрезанными от мира. Ее пугала мысль о переезде в такое место с маленьким ребенком. В воображении она рисовала картины – и про себя, и вслух для Вика, – как случится внезапная снежная буря, Вик застрянет в Портленде, а она – в Касл-Роке. И что ей делать в такой ситуации, если Тэд заберется в аптечку и наестся таблеток, или обожжется о плиту, или еще бог знает что? Хотя, возможно, ее страх переезда объяснялся простым нежеланием покидать суматошный Нью-Йорк, где всю жизнь кипит жизнь.

Но если по правде, это были не самые худшие страхи. Больше всего Донну пугало свербящее предчувствие, что затея с «Эд уоркс» прогорит и им придется ползти обратно, поджав хвосты. Этого не случилось, потому что Вик с Роджером работали на износ. Однако это озна-

чало, что Донна целыми днями сидела одна с ребенком, и у нее неожиданно образовалось слишком много свободного времени.

Своих близких подруг она могла бы пересчитать по пальцам одной руки. Она знала их тысячу лет и была в них уверена – что бы ни произошло, их дружба останется нерушимой на веки вечные, – но вообще-то она нелегко заводила друзей. Она подумывала пройти аттестацию в Мэне и устроиться на работу. Поскольку нью-йоркские сертификаты о квалификации действуют в Мэне, ей даже не пришлось бы ничего делать – только заполнить бумажки, пройти собеседование в департаменте среднего образования и ждать, когда в старшей школе Касл-Рока появится подходящая вакансия. Но она отказалась от этой дурацкой идеи, произведя простой подсчет на калькуляторе. Расходы на няню и на бензин сожрут почти всю вероятную зарплату, поскольку Донна вряд ли могла бы рассчитывать на что-то большее, чем двадцать восемь долларов в день.

Я превратилась в хрестоматийную американскую домохозяйку, с ужасом размышляла она в один из пасмурных дней прошлой зимой, глядя на хлопья мокрого снега за окном. Сижу дома, кормлю Тэда сосисками с бобами, горячими сэндвичами с сыром и кэмпбелловскими супами, вижу жизнь только по телевизору, в мыльных операх «Как вращается мир» и «Молодые и дерзкие». В качестве дополнительного развлечения можно еще посмотреть «Колесо Фортуны». Или сходить в гости к Джоани Уэлш, у которой есть дочка, ровесница Тэда, но общение с Джоани давалось Донне непросто. Она была на три года старше и на десять фунтов полнее Донны. Эти лишние десять фунтов нисколько ее не смущали. Она говорила, что муж любит ее и такой. Джоани была счастлива и довольна жизнью в Касл-Роке.

Мало-помалу в трубе копился засор. Донна начала ссориться с Виком по пустякам, чтобы не заводить разговоры о более серьезных вещах, которые сложно осмыслить и еще сложнее высказать вслух. О потерях, о страхе, о неминуемом старении. Об одиночестве и боязни одиночества. О том, как ты слышишь по радио песню, которую помнишь еще со школы, и тебя ни с того ни с сего пробивает на слезы. Как ты жутко завидуешь мужу, чья жизнь наполнена смыслом, потому что он занят делом – странствующий рыцарь с фамильным гербом на щите, он сражается в ежедневной борьбе, чтобы обеспечить семью, – а в твоей жизни есть только дом и ребенок, требующий постоянного внимания, и надо как-то справляться с его капризами, слушать его непрерывную болтовню, готовить ему еду. Живешь, как в окопе. Только и делаешь, что ждешь и прислушиваешься.

Она всегда думала, что ей станет легче, когда Тэд подрастет; и вот он подрос, но легче не стало. Даже наоборот. Весь прошлый год он три раза в неделю ходил на полдня в детский сад «Джек и Джилл»; этим летом он посещал игровой детский лагерь – пять дней в неделю. Когда его не было дома, дом становился пугающе пустым. В отсутствие Тэда дверные проемы зияли, словно разверстые пасти; лестничные пролеты казались провалами пустоты, когда Тэд не сидел на ступеньках в пижаме, сонно листая книжку с картинками перед дневным сном.

Двери были как пасти, лестницы – как голодные глотки. Пустые комнаты превращались в ловушки.

Поэтому она мыла полы, не нуждавшиеся в мытье. Смотрела мыльные оперы по телевизору. Думала о Стиве Кемпе, с которым затеяла легкий флирт еще прошлой осенью, когда он приехал в Касл-Рок на машине с номерами штата Виргиния и открыл здесь мастерскую по реставрации мебели. Донна нередко ловила себя на том, что сидит перед включенным телевизором и совершенно не понимает, что происходит на экране, потому что не следила за передачей, а размышляла о Стиве – как его темный загар контрастирует с белой теннисной формой или какие накачанные у него ягодички, что особенно заметно, когда он бежит за мячом. В конце концов она сделала то, что сделала. А сегодня...

Желудок скрутило, тошнота подступила к горлу, и Донна бросилась в ванную, зажимая руками рот. Она еле успела склониться над унитазом, и ее сразу вырвало. Что-то все-таки пролилось на пол. Она посмотрела на учиненное ею самой безобразие, и ее вырвало снова.

Когда спазмы в желудке унялись (зато ноги снова дрожали; что-то теряешь, что-то находишь), она посмотрела на себя в зеркало. В резком свете люминесцентной лампы ее лицо превратилось в четко очерченную, рельефную маску. Очень нелестную маску. Кожа бледная, практически белая. Глаза покраснели. Волосы намokли от пота и некрасиво прилипли к голове. Сейчас Донна видела себя такой, какой станет в старости, и что самое страшное: если бы в эту минуту рядом с ней появился Стив Кемп, она отдалась бы ему прямо здесь, на полу, лишь бы только он обнял ее, поцеловал и сказал, что не надо бояться, что время – миф, смерть – просто сон и все непременно будет хорошо.

Она издала странный звук – то ли крик, то ли стон, – который никак не мог вырваться из ее собственной груди. Это был крик сумасшедшей.

Потом опустила голову и расплакалась.

* * *

Черити Камбер сидела на краешке широкой кровати в их с мужем спальне и смотрела на то, что держала в руках. Она только что вернулась из магазина. Из того самого магазина, куда сегодня ходила и Донна Трентон. Руки, ноги и щеки Черити онемели, будто от холода. Словно она целый день прокаталась с Джо на мотосанях. Но завтра первое июля; мотосани уже давно зачехлены и стоят в гараже.

Не может быть. Это наверняка какая-то ошибка.

Нет, не ошибка. Она проверила несколько раз. Все сходилось, ошибки не было.

В конце концов, с кем-то же подобное происходит. Разве нет?

Да, конечно. С кем-то другим происходит. Но с ней самой?

Ей было слышно, как Джо стучит молотком у себя в мастерской. Металлический звон от ударов разносился в жарком воздухе. Затем стук прекратился, и послышалось негромкое:

– Черт!

Еще один гулкий удар, и опять тишина. А потом муж заорал что есть мочи:

– Бретт!

Ее сердце испуганно сжалось, как сжималось всегда, когда Джо вот так повышал голос и звал к себе их сынишку. Бретт очень сильно любил отца, но Черити никогда не была твердо уверена, что Джо любит сына. Страшно признаться, но это правда. Однажды, примерно два года назад, ей приснился кошмар, который она не забудет, наверное, до конца своих дней. Ей приснилось, что ее муж воткнул вилы прямо в грудь Бретту. Зубья пробили детское тельце насквозь и вышли наружу, приподняв футболку на спине Бретта. Кончики зубьев торчали, словно стойки палатки. *Этот мелкий говнюк не пришел, когда я его звал*, сказал муж в ее сне, и Черити резко проснулась и села в постели рядом с реальным мужем, который спал крепким сном, накачавшись пивом. Проникавший в окно лунный свет падал прямо на кровать – холодный, бесчувственный белый свет, – и она поняла, как силен страх в человеческом сердце. Страх – это чудовище с желтыми клыками, посланное в мир неким разгневанным Богом, чтобы пожирать людей опрометчивых и недостойных. Джо не раз поднимал на нее руку, и она быстро усвоила, что к чему. Может, она и не гений, но и не дура. Теперь она слушалась Джо и почти никогда ему не перечила. Похоже, Бретт поступал точно так же. Но иногда Черити боялась за сына.

Она подошла к окну и успела увидеть, как Бретт заходит в сарай. Следом за ним вяло плелся Куджо, разморенный жарой и унылый.

Еле слышно:

– Подержи эту хреновину, Бретт.

Еще тише:

– Да, папа.

Снова послышался стук молотка, беспощадный звон пестика для колки льда: *Дзынь! Дзынь! Дзынь!* Она представила, как Бретт держит что-то – зубило у заклинившего подшипника или костыль у зажимного болта. Ее муж – в уголке тонкого рта зажата «Пэлл-Мэлл», рукава футболки закатаны до плеч – замахивается тяжеленным молотком. И если он пьян... если он промахнется...

Она явственно услышала в голове истошный крик Бретта, когда молоток раздробил ему ладонь в кровавую кашу, и скрестила руки на груди, отгораживаясь от кошмарного видения.

Она вновь посмотрела на то, что держала в руке. Наверное, его можно как-то использовать. Надо только сообразить, как именно. Больше всего на свете ей хотелось поехать в Коннектикут, повидаться с сестрой Холли. В последний раз они виделись шесть лет назад, летом 1974-го. Она это запомнила, потому что то лето выдалось для нее непростым. Кроме тех единственных замечательных выходных, весь год был тяжелым. В семьдесят четвертом у Бретта начались ночные проблемы: приступы беспокойства, кошмары и – все чаще и чаще – случаи хождения во сне. В том же году Джо начал пить по-черному. Ночные кошмары и лунатизм Бретта в конце концов прекратились. Пьянство Джо – нет.

Тогда Бретту было четыре; сейчас ему десять, и он даже не помнит свою тетю Холли, которая шесть лет назад вышла замуж. Теперь у нее уже двое детей, сынишка, названный в честь отца, и дочка. Черити видела племянника и племянницу только на фотографиях, которые Холли изредка присылала по почте.

Она боялась заводить разговор с мужем. Ему уже надоело выслушивать ее слезные просьбы, и если она попросит еще раз, он может ее ударить. В последний раз она спрашивала, нельзя ли им съездить в Коннектикут хоть на несколько дней, почти полтора года назад. Джо Камбер не любил без толку мотаться туда-сюда. Ему было неплохо и в Касл-Роке. Каждый год они с Гэри Первье и еще несколькими корешами ездили на озеро Мусхед охотиться на оленей. В прошлый раз, в ноябре, Джо хотел взять с собой Бретта. Черити тогда уперлась, и ей *удалось* настоять на своем, невзирая на сердитое ворчание мужа и обиженные взгляды сына. Она не собиралась отпускать своего мальчика на две недели с этой веселой компанией, чтобы он слушал их пошлые разговоры и скабрзные анекдоты и наблюдал, в каких скотов превращаются мужики, когда пьют без просыху целыми днями. Причем у каждого – заряженное ружье. Лесная глушь, заряженные ружья, мужики, накачавшиеся спиртным. Рано или поздно кто-то наверняка словит шальную пулю, несмотря на яркие оранжевые жилеты и шапки. Но пусть это будет не Бретт. Не ее сын.

Ровный, ритмичный стук молотка по металлу затих. Она немного расслабилась. Молоток застучал снова.

Конечно, рано или поздно Бретт все равно уйдет с ними, и она потеряет его навсегда. Он вступит в их мужской клуб, после чего мать превратится для него в домашнюю прислугу. Да, так и будет, она это знает и заранее скорбит. Но она все же сумела отложить неизбежное еще на год.

А что будет в этом году? Она не уверена, что у нее снова получится удержать его дома в нынешнем ноябре. Но в любом случае будет лучше – не совсем хорошо, а чуть лучше, – если ей удастся сначала свозить Бретта в Коннектикут. Пусть он увидит...

...увидит...

Да скажи уж как есть. Пусть только в мыслях.

(как живут приличные люди)

Если Джо их отпустит одних... нет, даже думать об этом нет смысла. Джо мог ездить куда угодно, в одиночку или с друзьями, а она не могла, даже с Бреттом. Такое у них в семье

правило. И все же как хорошо было бы съездить к сестре без него – чтобы он не сидел в кухне Холли, нажираясь пивом и презрительно поглядывая на Джима, мужа Холли. Да, без него будет лучше. Никто не станет бурчать, что пора ехать домой, пока Холли с Джимом не решат, что гости и вправду что-то засиделись...

Они с Бреттом.

Только вдвоем.

Они могли бы поехать на автобусе.

Она подумала: *В прошлом ноябре он хотел взять Бретта с собой на охоту.*

Она подумала: *Может, получится договориться?*

Ты – мне, я – тебе.

Ее пробрал колючий озноб, словно все тело наполнилось ледяной стекловатой. Она и вправду *согласна* на такой обмен? Пусть осенью Джо возьмет Бретта с собой на охоту, но при условии, что сейчас он отпустит их с Бреттом в Стратфорд...

Деньги есть – теперь есть, – но дело не только в деньгах. Деньги он заберет, и она больше их не увидит. Но если правильно разыграть свои карты... Если все сделать с умом...

Мысли завертелись быстрее. Стук молотка в мастерской стих. Она увидела, как Бретт выходит из сарая, и возблагодарила небеса. Ей что-то подсказывало, что если с сыном случится беда, это произойдет именно в мастерской, в этом темном, мрачном месте, где засаленный дощатый пол усыпан опилками.

Способ есть. *Должен быть.*

Если она готова сыграть по-крупному.

Она держала в руке лотерейный билет. Вертела его так и этак, стоя у окна, и сосредоточенно размышляла.

* * *

Стив Кемп вернулся к себе в мастерскую в состоянии яростного иступления. Мастерская располагалась на западной окраине Касл-Рока, на шоссе номер 11. Стив снял дом у фермера, владевшего недвижимостью в Касл-Роке и в соседнем Бриджтоне. Фермер был не просто придурком, а Придурком с большой буквы.

В центре мастерской стояла емкость для снятия краски и лака, огромное гофрированное металлическое корыто, в котором можно было бы в один прием сварить целую делегацию миссионеров. Вокруг него, словно малые спутники планеты-гиганта, располагались предметы мебели, привезенные на реставрацию: комоды, трюмо, серванты, книжные этажерки, столы и прочее. Все было пропитано запахом смывки, олифы и лака.

В старой дорожной сумке с эмблемой авиакомпании «Ти-дабл-ю-эй» лежала чистая смена одежды; Стив планировал переодеться после жаркого секса с хорошенькой сучкой. Теперь он швырнул сумку в стену. Отскочив от стены, она упала на ближайший комод. Стив подошел, сбил сумку с комода и пнул ее с такой силой, что она подлетела до потолка и грохнулась на пол, как дохлый сурок. Стив еще долго стоял, тяжело дыша. Вдыхал едкие запахи мастерской и невидящим взглядом смотрел на три кресла с плетеными спинками, которые обещал заново перетянуть к концу этой недели. Он засунул большие пальцы под ремень джинсов. Его руки сжались в кулаки. Нижняя губа обиженно оттопырилась. Он был похож на сердитого мальчишку, которого только что отругали.

– Дрянь и *дешевка!* – выдохнул он и пошел за сумкой. Хотел пнуть ее еще раз, но передумал, поднял сумку с пола и отправился в дом, примыкавший к рабочей пристройке. В маленьком трехкомнатном доме было еще жарче, чем в мастерской. Какое-то адское жаркое лето. Мозги плавятся. В кухне громоздились горы немытой посуды. Мухи кружили над пакетом для мусора, набитым пустыми консервными банками из-под тунца и макарон с мясом в томат-

ном соусе. В гостиной стоял старый большой черно-белый телевизор «Зенит», подобранный на помойке. На телевизоре спал мертвым сном огромный кастрированный полосатый котик по имени Берни Карбо.

Писательством Стив занимался в спальне. Вместо кровати у него была раскладушка; постель вечно не убрана, простыни задубели от засохшей спермы. Независимо от частоты секса (за последние две недели – ни разу) Стив часто мастурбировал. Он считал мастурбацию признаком творческой личности. Напротив кровати стоял письменный стол. На столе – пишущая машинка, старомодный «Ундервуд». С обеих сторон от машинки лежали стопки рукописей. Еще больше рукописей – либо в картонных коробках, либо в больших стопках, скрепленных канцелярскими резинками, – было свалено в кучу в углу. Стив много писал и часто переезжал с места на место. Его основным багажом были плоды творческого труда: стихи, рассказы, сюрреалистическая пьеса, где реплики всех персонажей составили в общей сложности девять слов, и застопорившийся роман, к которому он пробовал подступиться уже с шести разных сторон. Последние пять лет Стив провел в постоянных разъездах, нигде не задерживался надолго и даже не успевал полностью распаковать свои вещи.

В прошлом декабре, бреясь перед зеркалом, он обнаружил у себя в бороде первую седину. Это открытие повергло его в затяжную депрессию. С тех пор он вообще перестал бриться, как будто седина появляется из-за бритвы. Ему было тридцать восемь. Стиву претила мысль, что он уже такой старый. Он гнал ее прочь, но она возвращалась настойчиво и упорно. Неизбежная старость – еще семьсот дней, и ему стукнет сорок – его пугала. Он всегда думал, что сорок лет приключаются с кем-то другим, но уж точно не с ним.

Вот же сучка, снова подумал он. Вот же сучка.

Стив бросил уже не одну дюжину женщин с тех пор, как впервые познал радость плотских утех – в девятом классе, с симпатичной, стеснительной и нежно-беспомощной студенткой, заменявшей учительницу по французскому, – но его самого бросали всего два-три раза. Он всегда чувствовал, что дело идет к разрыву, и прекращал отношения первым. Лучше обезопасить себя заранее – как сбросить пиковую даму при игре в червы. Превентивная мера защиты. Чтобы никакая ушлая сучка не задела твоего самолюбия. Чтобы не впадать в мрачные мысли о собственном возрасте. Он видел, что Донна охладевает к нему, но был уверен, что ею легко манипулировать – по крайней мере, какое-то время, – сочетая психологическое давление с сексуальным напором. Страх – тоже отличный рычаг, если захочется грубости. Но его расчет не сработал, и теперь в нем кипели обида и ярость, словно его высекли плеткой.

Он разделся, бросил бумажник и мелочь на стол и пошел в душ. Стоило освежиться, и ему стало легче. Он надел чистые джинсы и легкую хлопчатобумажную рубашку, которые вынул из сумки. Сгреб со стола мелочь, ссыпал в передний карман джинсов и помедлил, задумчиво глядя на свой бумажник. Из него выпало несколько визитных карточек. Они всегда выпадали, потому что их было много.

Бумажник Стива Кемпа буквально распирало от всевозможных визиток. Он таскал их отовсюду, при каждой возможности. Из них получались отличные закладки, а на обратной чистой стороне было удобно записывать адреса, номера телефонов или короткие памятки. При случае он брал сразу две или три карточки в каком-нибудь магазине сантехники или у заезжих коммивояжеров, торгующих страховыми полисами. Стив неизменно просил визитку, расплываясь в фальшивой улыбке.

Однажды, когда еще пылала страсти, он заметил на телевизоре визитку ее муженька. И взял ее, пока Донна ходила в душ. Просто так. По привычке.

Теперь он открыл бумажник и принялся перебирать лежавшие там визитки: карточки страхового агентства в Виргинии, риелторской фирмы в Колорадо и еще дюжины разных компаний. Он уже было решил, что потерял карточку красавчика-муженька, но нет – она завалилась между долларовыми бумажками. Он выудил ее и рассмотрел. Синяя надпись на белом

фоне, в модной нынче манере без прописных букв, что называется скромненько, но со вкусом. Без излишеств и вычурности.

роджер брекстон «эд уоркс» виктор трентон
1633 конгресс-стрит
телекс: ЭДУОРКС портленд, мэн 04001 тел (207) 799–8600

Стив взял листок из пачки дешевой писчей бумаги и расчистил место на столе. Мельком взглянул на машинку. Нет. Шрифт у каждой пишущей машинки уникален, как отпечатки пальцев. Кривоватая «а» в нижнем регистре с головой выдает негодяя, инспектор. Судейская коллегия удаляется на совещание.

Полиция не занимается такими делами, тут можно не волноваться, но осторожность все-таки не помешает. Дешевая бумага, которая продается в любой канцелярской лавке. Никаких пишущих машинок.

Он взял ручку из кофейной банки на краю стола и написал большими печатными буквами:

ПРИВЕТ, ВИК.
У ТЕБЯ ПРЕЛЕСТНАЯ ЖЕНА.
Я С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ ДРАЛ ЕЕ ВО ВСЕ ДЫРЫ.

Он помедлил, задумчиво постукивая по зубам кончиком ручки. Настроение стремительно улучшалось. Но чего-то явно не хватало. Разумеется, Донна – красивая женщина, и всегда есть вероятность, что Трентон не примет это письмо всерьез. Слова не стоят ни гроша, а письмо можно отправить по цене чашки кофе. Должно быть что-то такое... весомое. Оно всегда есть. Надо только сообразить.

Внезапно он улыбнулся; когда он так улыбался, его лицо озарялось чарующим светом, и сразу было понятно, почему у него никогда не было особых проблем с женщинами, начиная с той симпатичной стеснительной студенточки.

Он написал:

ТЕБЕ ЧТО-НИБУДЬ НАПОМИНАЕТ ЕЕ РОДИНКА НА ЛОБКЕ?
МНЕ ОНА НАПОМИНАЕТ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК.
А У ТЕБЯ ЕСТЬ ВОПРОСЫ?

Пожалуй, и хватит; хорошенького понемножку, как всегда говорила мама. Он нашел конверт и вложил в него записку. Секунду помедлил и сунул туда же визитную карточку. Написал на конверте рабочий адрес Вика, такими же крупными печатными буквами. Немного подумал, решил проявить капельку милосердия к незадачливому муженьку и добавил под адресом: ЛИЧНО В РУКИ.

Он положил письмо на подоконник и откинулся на спинку стула. У него вновь было отличное настроение. Сегодня вечером он обязательно что-то напишет, он уже чувствовал прилив вдохновения.

Во двор мастерской заехала машина с номерами другого штата. Пикап с монументальным кухонным буфетом в кузове. Кто-то удачно зашел на гаражную распродажу. Везет же людям.

Стив вышел из дома. Он бы с радостью взялся за этот буфет – деньги никогда не бывают лишними, – но сомневался, что у него будет время закончить работу. Когда он отправит письмо, обстановка изменится. Не то чтобы прямо радикально, и уж точно не сразу. Можно позволить себе удовольствие чуть-чуть задержаться в Касл-Роке, чтобы нанести еще как минимум один визит маленькой мисс Задран-Нос... разумеется, предварительно убедившись, что красавчика-мужа нет дома. Стив играл с Виком в теннис и знал, какой он слабак – удар слева вялый, как разваренная лапша, сам в очочках и тощий, как жердь, – но никогда нельзя быть уверенным, что у красавчика-муженька не сорвет крышу и его не потянет на противоправные

действия. У многих красавчиков-муженьков дома хранится оружие. Вот почему надо сначала проверить, все ли чисто на горизонте, а уж потом заявляться с кратким дружественным визитом. Он позволит себе это маленькое удовольствие, а затем окончательно прикроет лавочку. Может быть, съездит в Огайо. Или в Пенсильванию. Или в Таос, штат Нью-Мексико. Но как всякому шутнику, подсунувшему человеку взрывающуюся сигарету, ему хотелось быть где-то поблизости (разумеется, на безопасном расстоянии), когда тот закурит.

Водитель пикапа и его жена уже выбрались из машины. Стив вышел им навстречу, держа руки в карманах джинсов и ослепительно улыбаясь. Женщина тут же заулыбалась в ответ.

– Добрый день. Чем могу быть полезен? – спросил он и подумал, что отправит письмо сразу, как только отделается от этой парочки.

* * *

В тот же вечер, когда красное жаркое солнце уже клонилось к западу, Вик Трентон – в рубашке, завязанной вокруг пояса, – разглядывал моторный отсек «пинто» Донны. Стоявшая рядом Донна выглядела юной и свежей в белых шортах и красной клетчатой блузке без рукавов. Она была босиком. Тэд в одних плавках гонял взад-вперед по подъездной дорожке на своем трехколесном велосипеде, играя в какую-то игру собственного изобретения, в которой Понч и Джон из «Калифорнийского дорожного патруля» сражались с Дартом Вейдером.

– Пей лимонад, пока лед не растаял, – сказала Донна Вику.

– Угу. – стакан стоял на краю моторного отсека. Вик сделал пару глотков и, не глядя, поставил стакан на место. Но чуть промахнулся, и стакан грохнулся вниз – прямо в руку жене.

– Ого! – сказал Вик. – Да ты крутой кэтчер.

Она улыбнулась:

– Просто я знаю, какой ты рассеянный, когда сосредоточен на чем-то другом. Смотри. Ни капли не пролилось.

Они улыбнулись друг другу, и на мгновение их взгляды встретились. *Прекрасное* мгновение, подумал Вик. Может быть, ему просто казалось или он выдавал желаемое за действительное, но в последнее время таких маленьких прекрасных мгновений стало больше. А резких слов – меньше. Меньше периодов холодного молчания или – что еще хуже – молчания равнодушного. Вик не знал, в чем причина, но был благодарен, что все вроде бы начинало налаживаться.

– Для резервной команды отлично, – сказал он. – Есть все шансы войти в основной состав.

– Так что там с машиной?

Вик уже снял воздушный фильтр и положил на дорожку.

– Ничего себе фрисби, – заметил Тэд пару секунд назад, объезжая фильтр на велосипеде.

Вик наклонился и ткнул отверткой в сторону карбюратора.

– Кажется, залипает игольчатый клапан.

– Это плохо?

– Не то чтобы очень, но если залипнет совсем, машина уже не поедет. Игольчатый клапан контролирует поступление бензина в карбюратор, а без бензина мотор не работает. Это прописано в федеральном законе, малышка.

– Пап, покачаешь меня на качелях?

– Да, через пару минут.

– Хорошо! Я тебя жду!

Тэд помчался на задний двор, где стоял игровой комплекс с качелями, который Вик прошлым летом собрал по готовым схемам. Подкрепляя себя джином с тоником, он работал по вечерам в будни и по выходным, слушая радиотрансляции матчей с участием «Бостон ред сокс». Трехлетний Тэд сидел с очень серьезным видом, подперев подбородок руками, на сту-

пеньках крыльца или на крышке подвального люка. Иногда помогал что-нибудь поднести, но обычно лишь молча смотрел. Прошлым летом. Это было хорошее лето, не такое жаркое, как нынешнее. Тогда Вику казалось, что Донна наконец освоилась на новом месте и поняла, чем для них хороши Мэн, Касл-Рок и «Эд уоркс».

А потом что-то переменялось, началась странная черная полоса, и хуже всего было назойливое, почти физическое ощущение, что все еще хуже, чем он опасался. Вещи в доме стояли как-то неуловимо не так, словно их трогали незнакомые руки. У него то и дело мелькала безумная мысль – точно ли безумная? – что Донна слишком часто меняет постельное белье. Простыни всегда были чистыми, словно только сегодня постеленными, и как-то ночью ему на ум пришел тот самый вопрос из сказки, отдавшийся в голове гадким эхом: *Кто спал на моей кровати?*

Но теперь все как будто наладилось. Если бы не эти несчастные «Малиновые колючки» и не проклятая поездка, от которой не отвертеться, Вик мог бы решить, что и в этом году лето будет прекрасным. Возможно, так и будет. Иногда ты побеждаешь. Не все надежды напрасны. Он в это верил, хотя его вера еще ни разу не подвергалась серьезным испытаниям.

– Тэд! – крикнула Донна вслед сыну, и тот резко остановился. – Поставь велосипед в гараж.

– Ну, *ма-а-а-ам!*

– Без разговоров, сеньор.

– Синёр, – сказал Тэд и рассмеялся в ладошки. – Ты тоже не ставишь машину в гараж, мам.

– Потому что папа ее чинит.

– Да, но...

– Слушайся маму, Тэдди, – сказал Вик, поднимая с земли воздушный фильтр. – Я скоро приду.

Тэд уселся на велосипед и поехал в гараж с громким воем, изображавшим сирену «Скорой помощи».

– Уже ставишь фильтр на место? – спросила Донна. – Ты не будешь чинить карбюратор?

– Это сложная работа, – сказал Вик. – У меня нет инструментов. И в любом случае мне туда лучше не лезть. А то еще сделаю только хуже.

– Черт, – сердито сказала она и пнула колесо. – Почему все вечно ломается тогда, когда заканчивается срок гарантии?

Пробег «пинто» составлял чуть больше 20 000 миль, и до конца полной выплаты кредита оставалось еще полгода.

– Это тоже прописано в федеральном законе, – сказал Вик, поставил фильтр на место и затянул гайку.

– Наверное, надо будет отогнать его в Саут-Пэрис, пока Тэд в саду. И раз ты уезжаешь, мне придется взять машину в прокате. Он доедет до Саут-Пэриса, Вик?

– Конечно. Но зачем ехать так далеко? Отвези его лучше Джо Камберу. Тут всего-то семь миль, и он отличный механик. Помнишь, на «ягуаре» полетел подшипник? Он его вытащил самодельной лебедкой и взял за работу всего десять долларов. А в Портленде меня ободрали бы как липку.

– Он меня напугал, – сказала Донна. – И к тому же он был навеселе.

– Чем он тебя напугал?

– Слишком пялился.

Вик рассмеялся.

– Каждый бы пялился на такую красотку.

– Спасибо, – сказала она. – Женщины в целом не против, когда на них *смотрят*. Но неприятно, когда тебя раздевают глазами. – Она замолчала (как-то странно замолчала, подумал

он), глядя на зловещее красное небо на западе. Потом опять обернулась к нему. – Есть такие мужчины... Смотришь на них и прямо чувствуешь, что у них в голове крутится порноверсия «Похищения сабинянок» с тобой... в главной роли.

У Вика возникло нехорошее ощущение, что она намекает на что-то другое. Но сегодня ему не хотелось с этим разбираться, только не в этот вечер, когда он вроде бы стал выбираться из-под кучи дерьма, навалившегося за прошлый месяц.

– Он наверняка безобидный. У него есть жена и ребенок...

– Может, и безобидный, – сказала она, но при этом скрестила руки на груди и обхватила ладонями локти, как делала всегда, когда нервничала.

– Смотри, – сказал он. – Я сам отгону к нему «пинто» в субботу. Надо будет оставить – оставлю. Но, скорее всего, Камбер сразу же все и починит. А я выпью с ним пива и поглажу пса. Помнишь его сенбернара?

Донна улыбнулась:

– Я даже помню, как его зовут. Он так рьяно облизывал Тэда, что чуть не свалил его с ног. Помнишь?

Вик кивнул:

– И Тэд все время ходил за ним хвостиком и повторял: «*Ку-у-у-джо... ко мне, Ку-у-у-джо*».

Они рассмеялись.

– Иногда я себя чувствую такой дурой, – сказала Донна. – Если бы я умела обращаться с механической коробкой передач, то могла бы взять твой «ягуар», пока ты будешь в отъезде.

– Нет, не могла бы. «Ягуар» – зверь норовистый. К нему нужен особый подход. – Вик выпрямился и захлопнул крышку капота.

– *Ну ты БАЛДА!* – простонала она. – Там же твой лимонад!

У него был такой уморительно изумленный вид, что она не выдержала и рассмеялась. Через минуту он тоже расхохотался. Захлебываясь от смеха, они повисли друг на друге, как двое пьяных. Тэд прибежал посмотреть, что происходит, и уставился на родителей округлившимися глазами. Убедившись, что все хорошо и мама с папой не сошли с ума, он и сам рассмеялся. Примерно в это же время, в двух милях от них, Стив Кемп опустил письмо в почтовый ящик.

* * *

Позже, когда стало смеркаться, жара слегка спала и в воздухе замелькали первые светлячки, Вик раскачал сына на качелях.

– Еще выше, пап! Еще выше!

– Еще выше не надо, а то перевернешься вниз головой.

– Тогда сделай пробежку, пап! Сделай пробежку!

Вик со всей силы толкнул качели прямо к небу, где уже зажигались первые звезды, а сам пробежал под перекладиной на другую сторону. Тэд радостно завизжал, запрокинув голову. Его волосы развевались на ветру.

– *Круто*, пап! Давай еще раз!

Вик еще раз толкнул качели, теперь уже спереди, и Тэд воспарил в тихую жаркую ночь. Тетушка Эвви Чалмерс жила неподалеку, и испуганно-восторженные крики Тэда стали последними звуками в ее жизни; она сидела на кухне, пила кофе, курила восьмую сигарету подряд, и ее сердце внезапно остановилось, одна из его тонких стенок почти безболезненно лопнула. Тетушка Эвви обмякла на стуле, в глазах потемнело. Где-то на улице кричал ребенок, и сперва ей подумалось, что это был радостный крик, но когда ее разум уже отключался, когда она падала в пустоту, словно кто-то толкнул ее в спину – со всей силы, но незлобиво, – ей показа-

лось, что ребенок кричит от страха, от боли; потом она умерла, и Эбби, ее племянница, нашла остывшее тело на следующий день. Кофе тоже остыл, недокуренная сигарета превратилась в хрупкий столбик пепла, нижняя вставная челюсть торчала из морщинистого рта, как выдвижной ящик с зубами.

* * *

Уже совсем вечером, перед сном, Тэд с Виком сидели на заднем крыльце. Вик пил пиво. Тэд пил молоко.

– Пап?

– Что?

– Я не хочу, чтобы ты уезжал.

– Я скоро вернусь.

– Да, но...

Тэд смотрел себе под ноги, изо всех сил стараясь не разреветься. Вик положил руку ему на затылок.

– Что «но», сынок?

– Кто тогда будет говорить слова, чтобы прогнать чудовище из шкафа? Мама их не знает!

Только ты знаешь!

Слезы все-таки пролились и потекли по щекам малыша в три ручья.

– Ты поэтому плачешь? – спросил Вик.

Слова против чудовищ (сначала Вик назвал их Катехизисом против чудовищ, но Тэд не мог выговорить это слово, и название пришлось упростить) появились в конце весны, когда у Тэда начались ночные кошмары и страхи. Он утверждал, что в шкафу в его комнате прячется кто-то страшный; иногда по ночам дверца шкафа открывалась сама собой, и оттуда выглядывало чудовище с желтыми глазами, которое хотело съесть Тэда. Донна считала, что это могло быть влияние книжки Мориса Сендака «Там, где живут чудовища». Вик поделился с Роджером (но не с Донной) предположением, что Тэд где-то услышал историю о серийных убийствах в Касл-Роке и решил, что убийца – уже превратившийся в городскую страшилку – теперь поселился у него в шкафу. Роджер сказал, что такое возможно; с детьми *все* возможно.

Через пару недель такой жизни Донна сама начала беспокоиться; однажды утром она с нервным смешком сообщила Вику, что иногда вещи в шкафу у Тэда лежат не на своих местах. Словно кто-то их перекладывает. «Сам Тэд», – сказал Вик. «Ты не понимаешь, – сказала Донна. – Теперь Тэд вообще не подходит к шкафу, Вик... вообще никогда. Он боится». И еще она добавила, что иногда после ночи, когда Тэду снятся кошмары, а потом чудятся всякие ужасы наяву, в шкафу действительно плохо пахнет. Будто в клетке у дикого зверя. Обеспокоенный, Вик заглянул в шкаф и принялся. У него появилась догадка, что, возможно, Тэд ходит во сне; во время этих хождений он вполне может забредать в шкаф и мочиться не просыпаясь. Но Вик не учуял ничего странного. Пахло лишь нафталином. Встроенный шкаф представлял собой узкий пенал глубиной около восьми футов. Никакого чудовища не было и в помине, и Вик уж точно не обнаружил дверь в Нарнию. У него в волосах запуталась паутина. Вот и все ужасы.

Для борьбы с ночными страхами сына Донна предлагала сначала «добрые мысли для настроения на добрые сны», потом – молитву. Тэд заявил, что чудовище из шкафа украло все его добрые мысли и добрые сны и что молитва ему не поможет, потому что Бог не верит в чудовищ. Она тогда разозлилась – может быть, потому, что ее тоже пугал этот шкаф. Однажды она прошла вглубь, чтобы развесить футболки Тэда, и дверца шкафа беззвучно закрылась у нее за спиной. Донна пережила очень неприятные сорок секунд, выбираясь наружу на ощупь. В тот раз она тоже почуяла запах – острый, горячий, свирепый. Опасный. Немного похожий на

запах пота Стива Кемпа после любовных утех. В общем, она разозлилась и сердито заявила, что чудовищ *не существует* и Тэду надо немедленно выбросить из головы эти глупости, обнять своего медвежонка и спать.

Вик то ли глядел глубже, то ли лучше помнил свои собственные детские страхи, когда по ночам дверца шкафа превращается в глупый раззявленный рот, а в самом шкафу что-то шуршит в темноте и одежда на вешалках иногда кажется повешенными мертвецами. Он смутно помнил о жутковатых тенях на стене, создаваемых отсветом уличного фонаря в бесконечные четыре часа до рассвета; помнил о странных скрипах, которые могли быть обычными звуками усадки дома, но были *очень похожи* на чьи-то крадущиеся шаги.

Поэтому он и придумал Катехизис против чудовищ, или просто Слова против чудовищ, если ты четырехлетний малыш и не можешь запомнить незнакомое сложное слово. По сути это было не более (но и не менее) чем простенькое заклинание на защиту от зла. Вик сочинил его в обеденный перерыв, и задумка сработала на ура, к радостному облегчению Донны, хотя ей было обидно, что ее собственные усилия – тут тебе и психология, и тренинг родительской эффективности, и, наконец, строгая дисциплина – не увенчались успехом. Вик каждый вечер проговаривал эти слова, как молитву, над кроватью Тэда, где тот лежал голышом под легкой простынькой, в душной жаркой темноте.

«Ты уверен, что в долговременной перспективе не будет хуже?» – однажды спросила Донна вроде бы с юмором, но и с плохо скрываемым раздражением. Это было в середине мая, когда уровень напряженности в их отношениях просто зашкаливал.

«Рекламщики не думают о долговременной перспективе, – ответил ей Вик. – Они думают о быстрых и эффективных решениях. А я хороший рекламщик».

– Да, когда ты уедешь, некому будет говорить Слова против чудовищ. В том-то и дело, – пробормотал теперь Тэд, сердито размазывая по щекам слезы. Ему было стыдно, что он разревелся.

– Слушай, – сказал ему Вик. – Они же записаны. Иначе как бы я смог в точности их повторять каждый день? Я их перепису на листочек и повешу на стену у тебя в комнате. Мама будет читать их тебе каждый вечер, пока я не вернусь.

– Правда? Ты их напишешь?

– Конечно. Я же сказал.

– А ты не забудешь?

– Ни в коем случае. Напишу прямо сегодня.

Тэд обнял Вика, и тот крепко прижал сына к груди.

* * *

В тот же вечер, когда Тэд уже спал, Вик тихо вошел в его комнату и прикрепил к стене канцелярской кнопкой листок бумаги. Рядом с календарем с «Могучими Мстителями Марвел», где малыш точно его заметит. На листке было написано большими четкими буквами:

СЛОВА ПРОТИВ ЧУДОВИЩ

Для Тэда

*Чудовища, прочь из комнаты Тэда!
Вам здесь нечего делать.
Никаких чудищ под кроватью у Тэда!
Вы там не поместитесь.
Никаких чудищ у Тэда в шкафу!
Там для вас мало места.
Никаких чудищ у Тэда за окном!
Вам там не за что уцепиться.
Никаких оборотней и вампиров,
Никаких кусачих страшилищ.
Вам здесь нечего делать.
Никто не тронет Тэда всю ночь.
Никто не обидит Тэда всю ночь.
Вам здесь нечего делать.*

Вик еще долго стоял и смотрел на листок. Он сделал мысленную пометку, что до отъезда надо будет как минимум дважды напомнить Донне, чтобы она читала Тэду слова каждый вечер. Надо, чтобы она понимала, как это важно для сына.

Перед тем как уйти, он заметил, что дверца шкафа слегка приоткрыта. Он закрыл ее плотнее и вышел из комнаты.

Гораздо позже, уже совсем ночью, дверца вновь приоткрылась. Внутри полыхали зарницы, пронзая густую клубящуюся темноту.

Но Тэд не проснулся.

* * *

На следующий день, в четверть восьмого утра, микроавтобус Стива Кемпа выехал на шоссе номер 11. Стив направлялся к шоссе номер 302. Там он свернет налево и поедет на юго-восток, в Портленд. Он собирался какое-то время пожить в хостеле портлендского отделения Ассоциации молодых христиан.

На приборной панели лежала аккуратная стопка писем – на сей раз не написанных крупными буквами от руки, а отпечатанных на машинке. Сама машинка стояла в задней части микроавтобуса вместе с другими его вещами. На сборы ушло не больше полутора часов, и все земное имущество Стива уместилось в компактном микроавтобусе, включая Берни Карбо, который сейчас дрых в коробке у задних дверей. Они с Берни всегда путешествуют налегке.

Письма и адреса на конвертах были отпечатаны профессионально. Шестнадцать лет литературных трудов не прошли даром хотя бы в том смысле, что Стив мастерски освоил пишущую машинку. Он остановился у того же почтового ящика, куда вчера вечером бросил свою анонимку для Вика Трентона, и опустил туда письма. Если бы Стив собирался покинуть штат, он бы смылся, не заплатив за аренду дома и мастерской, но поскольку он ехал всего лишь в Порт-

ленд, было разумнее действовать в рамках закона. На этот раз можно позволить себе не экономить; в потайном углублении за бардачком припрятано более шестисот долларов наличными.

Вдобавок к чеку, покрывавшему задолженность по арендной плате, он разослал чеки некоторым крупным заказчикам, возвращая авансы. Каждый чек сопровождался вежливой запиской, где говорилось, что Стив просит прощения за причиненные неудобства, но ему только что сообщили, что его мама внезапно и тяжело заболела (не существует такого американца, который не купится на историю о больной маме). Свою мебель заказчики могут забрать в мастерской – ключ лежит над входной дверью, справа на дверной раме, и будьте добры, не забудьте вернуть ключ на место, когда будете уходить. Спасибо за понимание, бла-бла-бла и прочая хрень. Да, у людей будут лишние хлопоты, но не то чтобы сильный напряг.

Стив опустил письма в почтовый ящик. Все же приятно осознавать, что ты надежно прикрыл свою задницу. Он поехал в Портленд, распевая «Шугари» вместе с «Grateful Dead». Он гнал на скорости пятьдесят пять миль в час и надеялся, что дороги будут свободны и он успеет сегодня сыграть пару партий на портлендских городских кортах. В общем и целом день начался отлично. Если мистер Бизнесмен еще не получил его письмецо с бомбой, то сегодня уж точно получит. Вот и славно, подумал Стив и рассмеялся.

* * *

В половине восьмого, когда Стив Кемп думал о теннисе, а Вик Трентон напоминал себе, что сегодня надо бы позвонить Джо Камберу насчет «пинто» Донны, Черити Камбер готовила сыну завтрак. Джо уже полчаса как уехал в Льюистон, надеясь найти ветровое стекло для «камаро» 1972 года выпуска на городской автосвалке или в лавке подержанных запчастей. Его отъезд хорошо совпадал с планами Черити, которые она проработала тщательно и не спеша.

Она поставила перед Бреттом тарелку с яичницей и беконом, присела на стул рядом с ним. Бретт удивленно оторвался от книги, которую читал за столом. Обычно мама ставила завтрак на стол и сразу же шла заниматься своими домашними делами. Если слишком назойливо приставать к ней с разговорами до того, как она выпьет вторую за утро чашку кофе, можно было нарваться на грубость.

– Я хочу с тобой поговорить, Бретт.

На смену легкому удивлению пришло настоящее изумление. Бретт не узнавал свою вечно замкнутую, молчаливую мать. К тому же она явно нервничала. Он закрыл книгу и сказал:

– Да, мам.

– Ты хотел бы... – Она тихонько откашлялась и начала снова: – Как ты смотришь на то, чтобы съездить в Стратфорд, в Коннектикут, к тете Холли и дяде Джиму? И к твоим братику и сестричке?

Бретт улыбнулся. Он всего дважды в жизни выезжал за пределы Мэна, в последний раз – с папой, когда они ездили в Портсмут в Нью-Хэмпшире, на аукцион подержанных автомобилей, где Джо приобрел «форд» 1958 года с двигателем «Хеми».

– Было бы здорово! – сказал он. – А когда?

– Я думаю, в понедельник. Сразу после выходных на Четвертое июля. Можно будет поехать на всю неделю. Ты же сможешь?

– Конечно! Но, черт, у папы на той неделе полно работы. Ему надо...

– Я еще не говорила с твоим отцом.

Улыбка Бретта погасла. Он отправил в рот кусочек бекона и принялся жевать.

– Он обещал Ричи Симмсу перебрать мотор на его тракторе. И мистер Миллер, учитель, привезет «форд», чтобы починить трансмиссию. И...

– Мы с тобой можем поехать вдвоем, – сказала Черити. – На автобусе из Портленда.

Бретт явно засомневался. Снаружи, за сеткой веранды, выходящей на задний двор, Куджо медленно поднялся на крыльцо и, тихо рыкнув, улегся в тени под козырьком. Посмотрел на ХОЗЯЙКУ и МАЛЬЧИКА утомленными, покрасневшими глазами. Сегодня ему было плохо, очень-очень плохо.

– Черт, мам, я не знаю...

– Не говори «черт». Это нехорошее слово.

– Извини.

– Но ты *хочешь* поехать? Если твой папа не будет против?

– Да, конечно! Думаешь, он нас отпустит вдвоем?

– Может быть. – Она задумчиво посмотрела в окно над кухонной раковиной.

– А до Стратфорда далеко, мам?

– Примерно триста пятьдесят миль.

– Че... то есть да, далеко. А там...

– Бретт.

Он пристально посмотрел на нее. Ее голос вновь стал напряженным. Каким-то нервным.

– Что, мам?

– Ты, случайно, не знаешь, может быть, твоему папе что-то нужно для мастерской? Может быть, он хочет что-то купить?

Бретт слегка оживился.

– Ну, ему всегда нужны разводные ключи... и он говорил, что нужны новые шаровые опоры... и новая маска для сварки, потому что на старой треснул щиток...

– Нет, я имею в виду что-то большое. Дорогое.

Бретт ненадолго задумался и улыбнулся.

– Он очень хотел новый мини-кран «Йорген». Говорил, что с таким мини-краном он выдрал бы старый мотор из трактора Ричи Симмса, как нех... как нечего делать. – Бретт покраснел и быстро договорил: – Но ты не сможешь купить ему мини-кран, мам. Он неподъемный.

Неподъемный. Так Джо называл дорогие вещи. Черити ненавидела это словечко.

– Сколько он стоит?

– Ну, в каталоге – тысячу семьсот долларов, но, может быть, мистер Беласко из «Портлендской машинерии» сделает папе скидку. Папа говорит, что мистер Беласко его боится.

– И чего в этом хорошего? – резко спросила она.

Бретт слегка отшатнулся, испугавшись ее яростного напора. Он ни разу не видел, чтобы мама так сильно злилась. Даже Куджо на крыльце чуть наострил уши.

– Так чего в этом хорошего?

– Ничего, мам, – сказал Бретт, но Черити с отчаянием поняла, что он врет. Ему кажется, что это круто, когда люди боятся тебя настолько, что дают скидку. Она явственно слышала восхищение в голосе сына, пусть даже он сам его не уловил. *Хочет быть как отец. Думает, будто это великое геройство, когда тебя все боятся. О боже.*

– Нет ничего хорошего в том, чтобы люди тебя боялись, – сказала она. – Громкий голос и склочный нрав – не такие великие достижения. Тут уж точно большого ума не надо. – Она понизила голос и взмахнула рукой: – Давай ешь. Я не хотела на тебя кричать. Это все из-за жары.

Он ел молча и сосредоточенно, то и дело поглядывая на нее. Сегодняшний утренний разговор напоминал прогулку по минному полю.

– Интересно, сколько выйдет со скидкой? Тысяча триста? Тысяча?

– Не знаю, мам.

– У этого Беласко есть доставка? На большие заказы?

– Наверное, да. Но у нас все равно нет таких денег.

Ее рука потянулась к карману халата. Там лежал лотерейный билет. Номера на билете – зеленый 76 и красный 434 – совпадали с выигрышными номерами, выпавшими в лотерее штата две недели назад. Она перепроверила дюжину раз, не в силах поверить в свою удачу. Эта лотерея стартовала в 1975-м, Черити каждую неделю покупала билет за пятьдесят центов, и на этот раз ей повезло. Она выиграла пять тысяч долларов. Она еще не обналачила выигрышный билет, но все время держала его при себе, ни на миг не упуская из виду.

– Деньги есть, – сказала она.

Бретт изумленно уставился на нее.

* * *

В четверть одиннадцатого Вик выскользнул из своего кабинета в офисе «Эд уоркс» и пошел в кафе «Бентли», чтобы выпить нормального кофе, а не того жуткого пойла, что считалось за кофе у них в конторе. Все утро он бился над рекламой яиц для птицефермы «Деко-стер». Это было непросто. Яйца он ненавидел с детства, когда мама чуть ли не силой заставляла его съедать по яйцу четыре раза в неделю. Пока что он не придумал ничего лучше, чем «ЯЙЦА – ЭТО... ЛЮБОВЬ БЕЗ ШВОВ». Совсем не ахти. «Без швов» почему-то навело Вика на мысль о яйце, застегнутом посередине на молнию. Картинка хорошая, но к чему ее прилепить? Ничего умного в голову не приходило. Надо будет спросить у Тэдди, подумал он, когда официантка принесла ему кофе и маффин с черникой. Тэд любит яйца.

Конечно, его настроение было испорчено вовсе не из-за рекламы яиц, а из-за предстоящей двенадцатидневной поездки. Но поехать придется. Роджер его убедил. Надо ехать и стоять насмерть.

Славный словоохотливый Роджер, которого Вик любил почти как брата. Роджер с большим удовольствием пошел бы с ним в «Бентли», чтобы выпить кофе и поболтать вволю. Но сегодня Вику хотелось побыть одному. И спокойно подумать. С понедельника они с Роджером будут вместе почти две недели, и этого более чем достаточно даже для названных братьев.

Он снова задумался о фиаско с «Малиновыми колючками», позволив мыслям течь свободно. Иногда ненапряженная, почти ленивая ретроспектива неприятных событий дает свежий взгляд и приводит – по крайней мере, у Вика – к новому пониманию ситуации.

Ситуация более чем неприятная. «Колючки» спешно отозваны из продажи. Плохо, но не катастрофично. Уж точно лучше, чем та история с консервированными грибами; никто не умер, никто серьезно не пострадал, и даже самый взыскательный потребитель понимает, что у всякой компании бывают проколы. Вспомним «Макдоналдс». Года два-три назад там раздавали бесплатные стеклянные стаканы с рисунками. В краске для этих рисунков обнаружилось недопустимо высокое содержание свинца. Акцию быстро свернули, и стаканы канули в беспмятный лимб для рекламной продукции, населенный странными персонажами вроде Спиди Алка-Зельцера и личного фаворита Вика, жвачки по имени Большой Болт.

Для корпорации «Макдоналдс» это была неприятная ситуация, но никто не обвинял Роналда Макдоналда в умышленной попытке отравить подрастающее поколение. Собственно, и профессора Шарпа ни в чем таком не обвиняли, хотя комики – от Боба Хоупа до Стива Мартина – не преминули его подколоть, а Джонни Карсон выдал целый монолог – в тщательно продуманных двусмысленных выражениях – об истории с «Малиновыми колючками» в своем ток-шоу «Сегодня вечером». Нет нужды говорить, что рекламу с профессором Шарпом сняли с эфира. Также нет нужды говорить, что игравший профессора актер был очень расстроен таким поворотом событий.

«Могло быть и хуже», – заметил Роджер, когда первые ударные волны слегка улеглись и телефонные переговоры между Портлендом и Кливлендом уже не проходили по три раза в день.

«Куда уж хуже?» – спросил Вик.

«Ну, – ответил Роджер с серьезным видом, – мы могли делать рекламу супа для “Бон Виван”».

– Еще кофе, сэр?

Вик взглянул на официантку. Хотел отказаться, но все же кивнул:

– Полчашки, пожалуйста.

Она налила ему кофе и отошла. Вик рассеянно помешал кофе ложкой, но пить не стал.

К счастью, паника из-за угрозы здоровью была недолгой. Многие авторитетные врачи выступили с заявлением на телевидении и в газетах, что красный краситель абсолютно безвреден. Что-то подобное случалось и раньше; у стюардесс одной коммерческой авиакомпании обнаружили какие-то странные оранжевые высыпания на коже, но потом оказалось, что это пятна оранжевой краски, стиравшейся со спасательных жилетов, которые бортпроводницы демонстрируют пассажирам перед взлетом. Также был случай с пищевым красителем в сосисках определенной марки с точно таким же побочным эффектом, как у красителя в «Малиновых колючках».

Юристы старика Шарпа подали многомиллионный иск к производителю пищевых красителей с требованием компенсации за ущерб. Тяжба, скорее всего, будет тянуться три года, а потом разрешится во внесудебном порядке. Но это не главное; главное – донести до общественного сознания, что вина за негативные проявления – *кратковременные и абсолютно безвредные* для здоровья – лежит уж точно не на компании «Шарп».

Тем не менее акции «Шарпа» заметно упали. Правда, потом поднялись где-то наполовину от первоначального падения. Поначалу продажи хлопьев резко пошли на спад, но теперь почти полностью отвоевали позиции, потерянные с тех пор, как «Малиновые колючки» явили миру свой предательский красный лик. А «Смесь всех злаков» и вовсе побила рекорды продаж.

Значит, все хорошо?

Нет, не все. В том-то и дело.

С профессором Шарпом все плохо. Бедняга уже никогда не сумеет вернуться. Когда страх уходит, приходит смех, и профессора Шарпа с его серьезной профессорской миной в декорациях школьного класса в буквальном смысле засмеяли до смерти.

Джордж Карлин в своей вечерней программе: «Да, мы живем в совершенно безумном мире. Совершенно безумном. – Карлин на миг умолкает, склонившись над микрофоном, и вновь поднимает голову. – Ребята Рейгана всю агитируют на телеящике, так? Русские опережают нас в гонке вооружений. Русские наращивают производство крылатых ракет, так? Джимми тоже снимает сюжетец и обращается к уважаемым телезрителям: “Сограждане, русские обгонят нас в гонке вооружений только тогда, когда подрастающее поколение американцев будет срать красным”».

Громкий смех в зале.

«И Ронни такой звонит Джимми и говорит: “Господин президент, а что Эми ела на завтрак?”»

Гомерический хохот в зале. Карлин держит паузу. Сейчас будет кульминационный момент.

«Да... тут все хорошо».

Одобрительный рев, бурные аплодисменты. Карлин печально качает головой: «Наши дети срут красным. Есть о чем призадуматься».

Вот в чем проблема. Джордж Карлин – проблема. Боб Хоуп – проблема. Джонни Карсон. Стив Мартин. Каждый диванный остряк в Америке.

И вот еще информация к размышлению: акции «Шарпа» упали на девять процентов и выросли после падения всего на четыре с половиной процента. Акционеры требуют крови. Давайте посмотрим... чья голова полетит первой? Кто придумал профессора Шарпа? Вот с

этих выдумщиков мы и спросим. И никого не кольшет, что профессор появился в эфире за четыре года до катастрофы с «Колючками». Никого не кольшет, что до профессора Шарпа (и его верных соратников Стрелка Шарпа, Джорджа и Грейси) акции «Шарпа» котировались на три с лишним процента ниже нынешней котировки.

Да, никого не кольшет. Зато велика вероятность, что одно только *публичное объявление*, что компания «Шарп» прекратила сотрудничество с «Эд уоркс», уже может поднять котировку на полтора-два процента. А когда начнется новая рекламная кампания, инвесторы убедятся, что прежних вредителей больше нет, и акции, возможно, поднимутся еще на процент.

Конечно же, размышлял Вик, размешивая в кофе сахарозаменитель из пакетика, это только теория. Но даже если теория подтвердится на практике, они с Роджером не сомневались, что сиюминутная выгода обернется для «Шарпа» большой головной болью, если новая рекламная кампания – наскоро состряпанная людьми, которые знают продукцию «Шарпа» и рынок сухих хлопьев в целом далеко не так хорошо, как их знают Вик с Роджером, – не окажется феерически успешной.

В голове промелькнула идея. Неожиданная и внезапная. Свежий взгляд, новая перспектива. Вик застыл с чашкой в руке, не донеся ее до рта. Его глаза широко распахнулись. Перед мысленным взором предстала картина: два человека – может быть, они с Роджером, может быть, старик Шарп и его уже не юный сынуля – закапывают могилу. Мелькают лопаты. Фонарь судорожно мерцает в темноте ветреной ночи. Моросит дождь. Могильщики то и дело украдкой оглядываются. Тайное погребение под покровом ночи. Они хоронят профессора Шарпа тайком, *и это нехорошо*.

– Нехорошо, – пробормотал он вслух.

Конечно, нехорошо. Если его похоронят втайне, он уже не сумеет сказать то, что должен сказать: что ему очень жаль.

Вик достал из кармана ручку и быстро записал на салфетке:

Профессору Шарпу надо извиниться.

Он посмотрел на свою запись. Чернила впитывались в салфетку, буквы расплывались по краям. Ниже Вик приписал:

Достойное погребение.

И еще ниже:

ПРИ СВЕТЕ ДНЯ.

Он сам еще не был уверен, что это значит, это была скорее метафора, чем смысловая конструкция, но именно так и рождались его лучшие идеи. Определенно тут что-то есть. В этом он был уверен.

* * *

Куджо лежал на полу в гараже, в полумраке. Здесь было жарко, но снаружи еще жарче... и свет на улице слишком яркий. Раньше он таким не был; на самом деле Куджо никогда раньше не замечал яркости света. А теперь стал замечать. У него болела голова. Болели все мышцы. От яркого света болели глаза. Поцарапанный нос тоже болел.

Болел и гноился.

ХОЗЯИН куда-то ушел. Чуть погодя ХОЗЯЙКА и МАЛЬЧИК тоже куда-то ушли, бросив его одного. МАЛЬЧИК вынес для Куджо большую миску с едой, и Куджо немного поел. От еды стало не лучше, а хуже, поэтому он не доел.

Послышался рокот мотора. Грузовик въехал на подъездную дорожку. Куджо поднялся и подошел к двери сарая, уже зная, что это кто-то чужой. Он знал звук мотора хозяйского пикапа и семейного легкового автомобиля. Он встал в дверях, высунув голову в ослепительный, режущий глаза свет. Грузовик въехал задом во двор и остановился. Из кабины выбрались

двое мужчин и подошли к задней дверце. Один из них открыл дверцу, и металлический лязг больно ударил Куджо по ушам. Он заскулил и отступил вглубь сарая, в уютную темноту.

* * *

Грузовик прибыл с доставкой. Три часа назад Черити Камбер и ее все еще ошарашенный сын пришли в главный офис «Портлендской машинерии» на Брайтон-авеню, и Черити выписала чек на покупку новой тали «Йорген», которая со скидкой обошлась в 1241 доллар 71 цент, включая налоги. Прежде чем идти в «Портлендскую машинерию», Черити заглянула в винную лавку на Конгресс-стрит, чтобы заполнить бланк заявления на выплату призовой суммы по выигрышному билету. Бретту было велено ждать на улице, где он и стоял, держа руки в карманах.

Продавец сказал Черити, что чек на выплату от Лотерейной комиссии штата придет ей по почте. Как скоро? В течение двух недель. Сразу вся сумма за вычетом налога, который составит около восьмисот долларов. Сумма налога рассчитана на основе ее декларации о годовом доходе Джо.

Вычет налога до момента фактического получения приза вовсе не возмутил Черити. Пока продавец сверял номер ее билета с таблицей выигрышей, она стояла, затаив дыхание, все еще не в силах поверить, что ей улыбнулась такая удача. Потом продавец кивнул и поздравил ее. Теперь она снова могла дышать, и можно было уже перестать беспокоиться о билете. Он возвращается в недра Лотерейной комиссии. Чек придет ей по почте – дивная, чудная, волшебная фраза.

И все-таки ее сердце болезненно сжалось, когда она наблюдала, как потрепанный лотерейный билет, размякший от ее нервной испарины, теперь подколотый скрепкой к бланку заявления, исчезает в ящике под прилавком. Госпожа Удача обратила свой взор и на нее тоже. В первый раз в ее жизни – и, возможно, единственный раз – плотная тюлевая занавеска повседневности чуть приоткрылась, показав ей прекрасный, сияющий мир за окном. Черити была женщиной приземленной, практичной – и в глубине души знала, что ненавидит мужа и боится его до дрожи, но им все равно суждено вместе состариться, а потом он умрет и оставит ей кучу долгов и (ей не хотелось об этом думать, но она очень боялась, что так и будет!) сына, испорченного отцовским влиянием.

Если бы ей повезло выиграть суперприз, который разыгрывается дважды в год – пятьдесят тысяч долларов, в десять раз больше ее пяти тысяч, – она, может быть, и решила бы раздвинуть эту унылую тюлевую занавеску, взять сына за руку и уйти вместе с ним в большой мир за пределами городского шоссе номер 3, гаража Камбера и Касл-Рока. Она увезла бы Бретта в Коннектикут, предварительно разузнав у сестры, сколько стоит снять маленькую квартирку в Стратфорде.

Но занавеска лишь чуть приоткрылась. Чтобы выглянуть одним глазком. Госпожа Удача показала ей лишь на мгновение, невероятная, волшебная и прекрасная, как лучезарная фея, танцующая среди грибов в умытых росой лучах рассвета... один раз увидишь, и больше такого не повторится. Вот почему сердце Черити болезненно сжалось, когда лотерейный билет исчез из ее поля зрения, хотя он ей стоил немало бессонных ночей. Она понимала, что теперь можно до конца жизни покупать по билету в неделю – и выиграть разве что пару долларов.

Ну что ж, нет так нет. Дареному коню в зубы не смотрят. Если ты не совсем дура.

Они с Бреттом зашли в «Портлендскую машинерию», и Черити выписала чек, напомнив себе, что на обратном пути надо будет заглянуть в банк и перевести деньги со сберегательного счета на расчетный, чтобы ее чек приняли к оплате. За пятнадцать лет совместной жизни они с Джо скопили чуть больше четырех тысяч долларов. Почти достаточно, чтобы покрыть три четверти всех невыплаченных долгов, не считая кредита на ферму. Разумеется, его нельзя не

считать, но Черити старалась вообще не задумываться о кредите кроме как в дни обязательных платежей. Понятно, что деньги на сберегательном счете лучше не трогать, но она все возместит, когда придет чек с выигрышем в лотерею, и они с Джо потеряют только проценты за две недели.

Владелец «Портлендской машинерии» Льюис Беласко сказал, что мини-кран доставят уже сегодня, и сдержал свое слово.

* * *

Джо Магрудер и Ронни Дюбей выгрузили мини-кран с помощью пневматического подъемника и осторожно опустили его на дорожку.

– Немалый заказец для старины Джо Камбера, – заметил Ронни.

Магрудер кивнул.

– Жена сказала поставить в сарай. У него там мастерская. Держи крепче, Ронни. Тяжеленная же дура.

Джо Магрудер взялся с одной стороны, Ронни – с другой, и, пыхтя и кряхтя, они затащили агрегат в сарай.

– Давай-ка поставим его на минутку, – выдохнул Ронни. – Пусть глаза попривыкнут, а то ни черта не видать. Не хотелось бы напороться на какую-нибудь железяку.

С глухим стуком они поставили мини-кран на пол. После яркого солнца снаружи Джо почти ослеп. Он различал только общие очертания предметов – автомобиль, поднятый на домкратах, верстак, массивные балки под потолком.

– Ему штуковину надо... – начал было Ронни и осекся.

Из темноты за поднятой на домкратах машиной донесся низкий, гортанный рык. Ронни почувствовал, как пот у него на спине стал липким. Волосы на затылке зашевелились.

– Мать честная, ты слышишь? – прошептал Магрудер. Ронни уже различал в полумраке лицо приятеля. Вид у Джо был испуганный.

– Слышу.

Рык, доносившийся из темноты, напоминал рокот мощного мотора на холостых оборотах. Ронни знал, что такой рык издают только очень большие собаки. А если большая собака рычит, это значит, что псина настроена серьезно. Он не видел таблички «ОСТОРОЖНО! ЗЛАЯ СОБАКА!» на въезде во двор, но в таком захолустье мало кто заморачивается с табличками. Оставалось надеяться, что пес, издающий такой грозный рык, сидит на цепи.

– Джо? Ты бывал здесь раньше?

– Один раз. Это его сенбернар. Здоровенный, как лошадь. В прошлый раз он не рычал. – Джо нервно сглотнул. Ронни услышал, как что-то шелкнуло у него в горле. – Бог ты мой. Ты глянь, Ронни.

Глаза Ронни еще не совсем привыкли к темноте, и представшее перед ним существо показалось ему совершенно нездешним, почти сверхъестественным. Он знал, что нельзя показывать злой собаке свой страх – собаки чуют страх, – но его все равно била неудержимая дрожь. Он ничего не мог с этим поделать. Это был не пес, а какое-то чудовище. Он стоял в глубине мастерской, за машиной на домкратах. Да, это был сенбернар: широченные плечи, густая шерсть, даже в сумраке рыжеватого-коричневая. Пес стоял, пригнув голову, и смотрел на них с пристальной злобой.

Он не сидел на цепи.

– Медленно отступаем, – сказал Джо. – Только не беги, бога ради.

Они начали пятиться к выходу, и пес медленно двинулся следом за ними. Он шел как-то странно, на негнущихся лапах. Даже не шел, а как будто *подкрадывался к добыче*, подумал Ронни. С этим псом шутки плохи. Его мотор завелся и готов ехать. Он шагал, пригнув голову. Продолжая глухо рычать. На каждый их шаг назад он делал один шаг вперед.

Хуже всего Джо Магрудеру стало, когда они вновь вышли на свет. Он на мгновение ослеп. Он не видел пса. Если зверюга набросится прямо сейчас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.